

Посланник

МИД

Георгий Комиссаров

16+

Георгий Комиссаров

Посланник МИД

«Автор»

2022

Комиссаров Г.

Посланник МИД / Г. Комиссаров — «Автор», 2022

Грозные 30-е годы XX века. Сражения шли не только на полях, в море и в небе. Менее кровопролитные, но не менее решающие шли и в тиши кабинетов, на светских раутах и просто в непринуждённых беседах различных государственных деятелей с работниками дипломатических миссий всех стран и рангов. Именно там создавались и рушились союзы, коалиции, тайные сговоры и пакты. Именно так мир развивался по той исторической линии, которую потом все изучают и утверждают, что это закономерности. А на самом деле кто-то «просто» пролил стакан воды на важные документы или бокал с шампанским на платье жены всемогущего премьера... Вот про эти «случайности» мировой политической истории эта книга. И про её скромных героев, благодаря которым мы всё ещё живы. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Комиссаров Г., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Вступление	5
Глава 1.	8
Глава 2.	14
Глава 3.	20
Глава 4.	27
Глава 5.	33
Глава 6.	37
Глава 7.	42
Глава 8.	47
Глава 9.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Георгий Комиссаров Посланник МИД

Вступление

3 часа 20 минут, 22 июня 1941 года, Берлин, посольство СССР

Я не спал в эту тревожную ночь. Просто лежал и думал...

Немного прикорнул днём, когда убедился, что таки да... поверили и все секретные документы начали уничтожать. Не жечь... Не было возможности.

Это ещё было одним доказательством моей правоты. Труба от спещечки была заблокирована. А выход на крышу посольства для её прочистки был под запретом германских властей.

Но было ясно, что никакой трубочист послезавтра в понедельник 23 июня в посольство для её прочистки уже не придёт. Хотя дежурный в МИД Германии был сама любезность... и весьма сочувствовал, что его превосходительство посол не может разжечь у себя камин... посреди лета... когда на улицах столицы третьего рейха асфальт плавился на солнце! Ха-ха-ха...

Да! Все трубы ... всех печей и каминов советского посольства в Берлине были забиты и не давали тяги. Чтобы не дать возможность сегодня ночью уничтожить документы посольства, когда станет известно об объявлении Германией войны СССР.

Как же тяжело было мне... спецпосланнику МИД СССР Козыреву Сергею Владленовичу... убедить посольских поверить, что сегодня последний мирный день. Убедить, не предъявив им вообще никаких письменных бумаг из МИДа на этот счёт, а на их запрос по радио... там в Москве ответили заученно «... войны не будет... на провокации не поддаваться... паникеров высылать назад в СССР... у нас с Германией пакт...».

Тем более, что как акт доброй воли СССР, я привёз личное послание Сталина канцлеру германского правительства Гитлеру.

Мне удалось ознакомиться с его содержанием...

Не без моей помощи оно появилось на свет.

В нём Сталин клятвенно заверял своего «друга Адольфа», что не помышляет никаких агрессивных планов по отношению к Германии...

И СССР уже отвёл все свои войска на прежнюю линию границы, где они находились на 17 сентября 1939 года. Ну за исключением пограничников и личного состава органов внутренних дел в количестве 100 тысяч человек.

Предлагал отдать Германии половину Прибалтики и всю западную Украину в придачу.

И много чего другого.

Но это уже не поможет.

Я знал, что текст этого послания ещё два дня назад уже лежал на столе у Гитлера и он ... к моему сожалению... отнёс его... прямо в мусорное ведро. И все мои последние старания пошли насмарку...

Я приложил все свои усилия, чтобы Сталин пошёл на такие уступки...

Я ознакомил с проектом этого послания германского агента в Москве...

А до этого я... в апреле передал через их атташе, в московском германском посольстве – барона фон Шлоссера, подлинные документы о танковом потенциале Красной Армии... 10 тысяч танков... из них новейших 2,5 тысячи и все у западных границ... Последнее стало причиной опалы барона, отзыва его из Москвы... и теперь тот... жив-здоров... стреляет уток у

себя в поместье... проклиная себя за доверчивость... и считая всё это ловкой провокацией и дезой НКВД.

Я делал всё, чтобы избежать этой войны...оттянуть. Я знал, что не будет нам проку от этих 10 тысяч танков у самой новой границы. Да и от новых территорий тоже пользы будет чуть... вернее один вред...что сейчас... что потом.

Лучше кинуть эту кость фашистской собаке... пусть подавится, а нам лучше отвести войска на «старую границу» за «линию Сталина» и избегнуть таким образом неминуемого их разгрома в приграничном сражении.

А сегодня 21 июня, чтобы убедить посольских мне поверить, что завтра война, я продемонстрировал нашему послу Деканозову приказ маршала авиации Германии Геринга «о проведении ночью 22 июня операции по уничтожению советской авиации на аэродромах в рамках плана нападения на СССР под названием «Барбаросса». Мне этот приказ вынесли сегодня утром прямо из здания штаба Люфтваффе при содействии неизвестных патриотов-сторонников СССР.

Деканозова это убедило, так как он сам знал подпись Геринга, а специальные люди в посольстве также подтвердили её подлинность, как и сам документ.

Он снова хотел связаться с Москвой...но связи уже не было...нашу волну активно глушили, а телеграммы хоть и принимали...но ответа на них не было. Я подозреваю, что их просто не передавали на берлинском почтамте.

Посла уже вызвали посреди ночи в МИД рейха к Риббентропу. Пояснив по телефону, что есть срочное послание фюрера Сталину.

Документы посольства, консульства и торгпредства всё же удалось уничтожить...без огня.

Я знал один способ. Всего лишь нужно растворять их в азотной кислоте. Кстати, та вязкая жижа, что в результате образовывалась, была уже сама по себе опасна, являя собою нитроцеллюлозу.

Кислоту я раздобыл тут же в городе у знакомых химиков на радиозаводе. Они там используют её для производства печатных плат. Тоже один из секретов рейха, которые тут не особо стерегут...рассчитывая на молниеносную войну.

Но это было не всё...

Я знал, просто знал..., что эта гнида ... не до конца мне поверил и не стал уничтожать списки наших агентов. Как наших нелегалов на территории Германии, так и немцев, завербованных нашими. И что завтра днём к нам сюда в посольство ворвутся гестаповцы и выгребут всё, что останется. В том числе и эти списки вместе с сейфом из кабинета первого секретаря посольства СССР, наплевав на иммунитет и дип-неприкосновенность. А руководителя советского торгпредства будут тут же пытаться и выведать всех тех, кого в посольских списках нет. Тот смалодушничает и не примет цианид, как это сделал его заместитель.

Но этому уже не бывать...

К сейфу я намерен пробраться, когда вернётся Деканозов с ошеломляющей грозной новостью и тут будет суматоха...

Вскрою его и уничтожу содержимое.

А главу торгпредства сейчас активно поили немецкие антифашисты в гаштете в пригороде столицы третьего рейха и его завтра в разгар вакханалии тут не будет... и привезут его аж второго июля прямо к поезду на котором все советские граждане будут вывозиться из Германии в Турцию, где их благополучно обменяют по формуле «всех на всех» на немногочисленных немцев, которые были на территории СССР на момент начала войны.

Откуда я это всё знал? Что сегодня... «22-го июня... ровно в четыре часа, Киев бомбили, и нам объявили, что началась Война!», и всё другое... дальше по списку...?

Да вот просто знал и всё...

Начали приходить мне эти знания давно... Нет, не всё сразу... Но вот стало мне казаться, что вот так будет и всё...

Глава 1.

Я себя помню лет с трёх...

Жили мы в столице.

Неее, тогда это была не Москва, а Санкт-Петербург, позже Петроград.

Жили мы в самом центре, на Фонтанке. В доходном доме, на третьем этаже, в пятикомнатной квартире. Почему то такие называли тогда генеральскими. Пять больших комнат для хозяев.

Там также была половина для прислуги, где были расположены их комнатки-чуланчики, огромная кухня, прихожая чёрного хода, различные кладовые и даже ледник.

Я тогда, честно говоря, боялся той половины... после одного прискорбного случая.

Как я однажды срезал с папиного мундира золотую пуговицу, и папа за это пригрозил меня на ночь запереть там в чулане, если такое повторится. Я сильно испугался такого наказания... хотя своей вины тогда не совсем понял. Там на мундире ещё много таких было... И в самом низу во втором ряду её вряд ли кто заметил бы... И не замечал никто... долго. Хотя тот мундир папа одевал часто. А потом эта мерзкая англичанка заметила её у меня среди моих «сокровищ» и наябедничала.

Да... у меня были англичанка-нянька и француз-гувернёр. Они меня обучали, кроме манер и своим языкам, а на русском и немецком мы свободно говорили в семье между собою.

Кто из моих родителей был немцем, я не помнил, вернее не знал.

Но, что папа, что мама... (вот так с ударением на последнем слоге)... свободно на немецком изъяснялись, переходя на него в присутствии прислуги.

Теперь я понимал зачем. Хотя, как сейчас помнил, что всё таки слуги уже кое что понимали из их речи. Многолетняя жизнь с носителями любого языка не проходит зря. Я это знал теперь точно.

Чем занимался папа, я не помню. Мама... когда была дома... то принимала гостей. Своих подруг в основном. Меня приводили к ним и я должен был проявить воспитание, вежливо поздороваться и иногда прочитать какой ни будь стишок. Которые мы специально разучивали. Без разницы на каком языке. Для этого меня водружали на стул и я декламировал «с выражением», как того от меня требовали учителя. Они стали приходить к нам в последний наш счастливый год... готовили меня к поступлению в гимназию.

На мой вопрос «Что такое эта гимназия?», шёл замысловатый ответ, который в конце сводился к ещё более непонятному уточнению: «Там тебя подготовят к поступлению в университет и будешь потом как папа».

Тётя Глаша-кормилица, моя самая любимая няня объясняла проще: «Милый ты мой Серёженька, та научат там тебя считать и писать».

Но когда меня этому стали учить до гимназии домашние учителя, я тогда совсем запутался. А когда узнал случайно, что мама в никаких гимназиях не училась, а училась дома, а потом сдала экстерном экзамен и всё..., то совсем растерялся. А как же университет?

Тут она с некой загадочной гордостью сообщила мне, что она какая то «смолянка». И поэтому наш папа на ней и женился, а не потому, что у её папа винокурни в Нижнем... как говорит какая то там Лизхен.

С прошествием времени я стал понимать смысл многих вещей с той моей жизни, что остались у меня в детской памяти... как то новый год, ёлку, Деда мороза и подарки.

И тогда мама мне казалась сказочной принцессой из таинственного леса, где гномы добывают смолу, а дедушка Ипполит из Нижнего представлялся мне эдаким себе грозным королём каких то винокуров.

Ещё помню, как в дом занёсся радостный папА и кричал слово «война» и тут же добавлял, что «теперь загоним проклятых тевтонов в каменный век...»

В тот же день вечером в нашей квартире собралась шумная компания... Обсуждали какую-то «войну», с каким то «германцем»... Обсуждали непонятные «проливы», Константинополь и «братушек сербов».

Затем за бравурными настроениями пришли тревога и печаль мамА. ПапА убыл на фронт... МамА даже плакала. Но потом папА вернулся целым и невредимым и снова в доме собирались шумные компании. Но говорили уже не так весело.

С какого то момента стали в доме произносить слово «революция» и пренебрежительное – «николашка». Я подспудно тогда догадался, что это они так Царя стали называть. Но когда я сам ... так назвал «помазанника божьего», то был просто выпорот разгневанным отцом. Правда это тогда наложилось на «жалобы на моё нерадение» от проходящих учителей папА и воспринялось мною в нужном русле моего воспитания.

Как то в конце зимы снова папА ворвался в дом радостный... с красным бантом на груди и выкрикивал непонятные мне слова: «революция» и «отречение».

МамА почему то стояла молча...прижав ладони к своим щекам...и плакала. Я тоже захныкал... Меня тут же забрала англичанка, которая бормотала что-то про «русских бунтарей» и «милую тихую Англию», и ещё что-то про свой скорый отъезд из «дремучей России с её пьяными медведями и казаками».

А на следующий день, во время нашей прогулки, я у неё требовал показать мне пьяного медведя, когда мимо нас проезжали верхом два казака... А та с непониманием и испугом на меня косилась... Вернее...с испугом на казаков и с мольбой на меня, повторяя: «ай донт анд-эстэнд ю».

После этого случая или просто так совпало...она таки уехала в свою Англию, как пояснила мне мамА.

Француз-гувернёр потом исчез чуть позже... вместе со шкатулкой маминых драгоценностей.

МамА плакала одна ...повторяя его имя – Поль...

Но почему то с ноткой ласки и обиды, а не обвинения того в краже...

О причине такого странного поведения маменьки я тоже стал догадываться уже потом...

ПапА был доволен происходящим и довольно быстро у мамА появилась новая шкатулка с украшениями и не одна...

Снова в доме стали появляться папины друзья и шумные компании.

И снова появились новые слова, значения и смысла которых я не знал: «керенский», «савинков», «родзянко», «эсдэки», «эсэры», «временное» и так далее. Летом ворвались новые резкие слова: «ревсовет», «советы», «красная гвардия», «духонин», «корниловщина» и «большевики».

В конце августа я благополучно сдал экзамены и пошёл в гимназию. Перед этим мне пошили форму, которой я страшно гордился. Особенно когда проходил в ней по нашему двору.

Так повелось, что друзей у меня не было...кроме сына нашего дворника... «шалопая Кольки». Так его все называли.

Но именно он преподавал мне другую сторону жизни, которую мы «барчуки», не знали, – по его мнению.

И это мне потом пригодилось....

– Пригодилось ли?, – задался я вопросом сейчас ночью 22 июня 1941 года, лёжа на кушетке в гостиной посольства СССР в Берлине, ожидая развития событий после приезда Деканозова.

Но всё по порядку...

Предотвратить эту страшную войну стало моей целью, но не с самого детства, гораздо позже.

А детство у меня закончилось внезапно... на Нижегородском железнодорожном вокзале в Москве, в один из ноябрьских дней рокового 1917 года.

Как я там оказался?

Сентябрь и октябрь 1917 года, когда мне исполнилось семь лет и я стал гимназистом, пролетели быстро. Новые впечатления от жизни ученика заслоняли собою всё.

Особенно я гордился своей формой и фуражкой гимназиста и «форсил» ею перед своим «корешем» Колькой. Это всё его словечки.

Ближе к концу октября Колька как то брякнул мне: «ехали бы вы отсель... а то не посмотрят, что ты мой кореш... порешат враз с твоими барями...».

Я конечно попытался выяснить, что это за угроза, но кроме как несколько непонятных фраз... явно с чужого языка... услышанных им, мне не удалось тогда у него ничего выпытать. Но было ясно, что что-то затевается какими то «большевиками» на Петроградской стороне и в Смольном. И что они со дня на день «пойдут штурмовать Зимний и сбрасывать «временных».

Но дома это всё у меня тут же улетучилось. Много надо было учить... по урокам. Так как не хотелось мне снова получать «берёзовой каши», как назвала ту ещё порку моя няня Глаша.

И вот однажды ночью мы все проснулись от громких хлопков. Одни я хорошо различал, как выстрелы из пушки. Как с «петропавловки» каждый день в двенадцать палили один раз. Но тут были и другие... резкие и продолжительные, как трещотки. ПапА загадочно сказал «пулемёты на дворцовой лупят» и начал быстро собираться.

МамА снова начала плакать, как тогда перед уходом папА на фронт, а меня Глаша увела в мою комнату и заставила лечь и уснуть.

ПапА после этого больше не приходил, а мамА оделась во всё черное и постоянно плакала.

Я в гимназию больше не ходил и был дома.

Постепенно из дома исчезла вся прислуга.

Глаша пришла как то утром и сообщила, что ей не удалось ничего купить... а потом и сама пропала... прихватив столовое серебро, как сказала с горечью мамА в мою сторону.

Шкатулки с драгоценностями мамА предусмотрительно спрятала в маленький саквояж и держала его в своей спальне под кроватью, а спальню запирала всякий раз, как из неё выходила.

И вот... как то утром... мы быстро собрались и пешком, с небольшой поклажей, по Невскому дошли до Николаевского вокзала.

Там было «вавилонское столпотворение», как назвала его мамА.

Мы продирались сквозь него с большим трудом. Как выяснилось, все пытались выехать в сторону границы или на юг. Но и на Москву тоже народ ехал... но в меньшей степени.

И нам таки удалось пролезть в вагон и даже найти место, где присесть.

Видимо тут сыграло то, что мамА подготовилась и сунула кондуктору вагона что-то блестящее, я не рассмотрел тогда. А сейчас думаю, что это был «николаевский червонец», такая золотая монета. Бумажные деньги обесценились довольно быстро... ещё при «временных» стали ходить тысячи и миллионы «керенок»... одновременно с «царскими». Последние правда ценились больше. Но это уже мои послезнания.

А пока мы с мамА катили в неизвестность. Вернее, тогда ничего ещё не предвещало этого. По плану мы ехали через Москву к дедушке Ипполиту в Нижний Новгород, где по здравому мнению мамА – нам будет лучше.

Я до этого на поездах ездил только летом и недалеко, с родителями. В основном в Сестрорецк, где мы жили на даче. Как мамА и папА называли тот дом с большой верандой в сосновом лесу, недалеко от песчаного пляжа на берегу Финского залива. С нами туда перебиралась

практически вся наша прислуга. Только некоторым «давали отпуск», как это называли родители. Тем же моим няньке-англичанке и гувернёру-французу. Ну и учителей там тоже не было.

Однажды все вместе ездили в Гельсингфорс. Но с другого вокзала и долго.

Там мы жили в особняке на самом берегу Финского залива и любовались морем и военными кораблями. Их громадины просто завораживали меня тогда.

А вот в последнее лето на дачу не выезжали. Мама пояснила это мне необходимостью готовиться к экзаменам в гимназию, а я сам потом подслушал, что «вокруг Питера беспокойно» и «много пьяной матросни». Хотя весёлых матросиков я видел и в городе. Когда гулял днём с няней или гувернёром. С весны их особенно стало много. И все с винтовками и перетянуты зачем то лентами к пулемёту, как пояснил мне папа значение этих шлеек с торчащими в них патронами.

Я тогда тоже захотел стать матросом и вот так ходить по Питеру.

В поезде все говорили про «переворот», «узурпаторов большевиков», о «сбежавшем в женском платье Керенском», про подавленные большевиками выступления каких то юнкеров, про «ультиматум викжеля», про «саботаж» и конечно все друг друга успокаивали и утверждали, что это всё скоро закончится... до нового года точно... «большевиков свалят»...

Как бы то ни было... с небольшими приключениями... мы доехали... и в обед следующего дня выгрузились с мамой на вокзале в Москве.

К моему удивлению он тоже назывался Николаевским, как и у нас в Питере.

Тут было больше порядка, чем там, от куда мы приехали.

К нам тут же подкатил свою тележку носильщик в белом фартуке и с номерной бляхой и погрузил наши скромные вещи на это средство передвижения тяжестей. Мы поплелись за ним вдоль перрона.

И так вышли на большую привокзальную площадь.

Тут конечно, как и в Питере, тоже кто-то «митинговал» в разных её концах, как я уже знал, что это – когда собирается много народа, а кто-то перед ними «рвёт глотку», как сказала о таком человеке наша сбежавшая Глаша.

Также приметой времени стал красный цвет. И тут тоже всё пестрело от него и от плакатов разного содержания.

Для практики, я ещё с весны, во время прогулок, читал надписи на них. Это было веселее чем читать скучные книжки или вывески.

«Вся власть Советам», «Вся власть учредительному собранию», «Смерть Корнилову», «Война до победного конца»...

Как то начитавшись всего этого, я засыпал вопросами вначале англичанку... но та с ужасом отмахнулась от меня. Затем я пристал с ними к мамой, но та схватившись за голову, сослалась на мигрень и ушла к себе. Вечером я атаковал папу... Тот обрадовался, усадил меня к себе на колени и пустился в пояснения...

Проснулся я утром у себя в постели и ничего не помнил, кроме скучного папиного бубнежа, от которого я и уснул.

Всё пояснила мне тогда, как всегда, моя кормилица Глаша: «Власть делят... ироды, что от царя досталась».

На мой вопрос: кто такие «ироды»? – она ответила тоже вполне понятно: «в городе – буржуи, а у нас на брянщине, в деревне – мироеды, проклятые». И зачем то перекрестилась.

Я хорошо знал кто это такие по тем же плакатам. «Буржуи» все были там сплошь толстые, в смокингах и цилиндрах, с сигарами в зубах, сидящие на мешках с деньгами, а «мироеды» тоже толстые и пузатые, но в армяках и сапогах, все сплошь в картузах и с красными носами, и сидели они уже на мешках с мукой и зерном, как там было на них написано. И у всех их были очень противные рожи!

Я с удовольствием для себя тогда отметил, что ни я, ни мои родители, ни к тем, ни к другим не относятся. Поэтому, когда мой «кореш» Колька сказал на меня и моих родителей – «буржуи», я впервые с ним тогда серьёзно подрался. И хоть Колька знал «тайные ухватки», я его всё равно поколотил, так как был его выше на голову и очень злой на него за такое ругательство.

Он правда от своих слов не оказался и отбежав... кричал мне вслед: «буржуи, буржуи... в десяти комнатах живёте и прислугу держите... как есть буржуи...».

Я ему в оправдание крикнул, что не в десяти, а всего в пяти комнатах...

На площади возле Николаевского вокзала в Москве были извозчики. Этого в Питере уже как две недели не наблюдалось, поэтому то мы с мамА до вокзала и шли там пешком.

Очередной из них к нам лихо подъехал, а носильщик споро погрузил ему на багажное место нашу поклажу и мы неспеша покатали на пролётке к следующему нашему пункту, а именно Нижегородскому вокзалу.

В Москве тоже было несколько вокзалов, как пояснила мне мамА.

Я в Москве был впервые и как только мы отъехали от вокзала, я отчётливо осознал, что это совершенно другой город, чем Питер.

Всё тут было... как в большой деревне... которые мы как то проезжали с папА по дороге на дачу... на извозчике. От чего то так тогда ему захотелось. А не как обычно... на поезде.

Даже в Сестрорецке всё было намного... прямее... что ли. А тут... просто хаос из улиц и улочек. И гнетуще давила на меня тогда низкоэтажная застройка и множество деревянных строений. Чего в Питере практически не было.

Окончательно меня «добил» сам Нижегородский вокзал. Это было одноэтажное приземистое деревянное строение. Как позже я узнал... оно было похожим на барак.

Я ещё не знал какую жуткую роль сыграет это место в моей судьбе, но уже чувствовал к нему отвращение.

Тут тоже было столпотворение.

Как пояснил наш извозчик: «потому как хлебное направление».

Затащив наши пожитки во внутрь помещения вокзала и найдя место на полу, где их можно было сложить, мамА приказала мне оставаться на месте и никуда не уходить. А сама, как она сказала: «пошла узнать, когда поезд на Нижний».

Я был уставшим от множества впечатлений и со вздохом облегчения сел на наш чемодан.

Не успел я присесть, как меня начало клонить в сон...

Снился мне Колька... он смеялся и повторял «буржуи, буржуи... лови вора.. лови вора»...

На этом я проснулся от сильного толчка и криков кругом...

Вокруг творился полный гвалт... Кто кричал «лови вора», кто бежал...

Я поддался панике и тоже побежал... Выскочил на площадь... Там к крикам присоединились ещё и выстрелы, и стоны... и ещё больше и громче крики... и ругань...

Проскочив всю площадь и забежав в какой то проулок вслед за другими, я просто повалился на землю от недостатка сил дальше двигаться.

Отдышавшись и придя в себя, я стал осматриваться и прислушиваться...

Народ тоже вокруг стал успокаиваться и потянулся назад к вокзалу. Там уже не было слышно выстрелов и криков, и всё возвращалось к обычному течению... если так можно назвать снующие толпы разномастных людей, большей частью в серых солдатских шинелях и в папах – бородатых мужиков с винтовками. Их папА назвал как то «дезертирами». Но они себя называли «демобилизованными». А «горлопаны» всех мастей агитировали их вступать в разного рода отряды. Кто в «красную гвардию», кто в «самооборону» или в какую то «милицию». А некоторые призывали вернуться на фронт и воевать «до победного конца». Одного такого «горлопана», на глазах у всех, эти «мужики с ружьями» очень сильно избили.

Придя на то место, от куда я сбежал всего пару минут назад, как мне казалось, я обнаружил совсем другие вещи и других людей. наших вещей нигде не было...как и мамА...
Но я стал там упорно ждать...

Глава 2.

Ноябрь (новый стиль) 1917 год, Москва

Я тогда не осознавал ещё, что вот так внезапно начался мой новый этап жизни.

Я ждал мамА... Минуты тянулись за минутами... Сколько прошло времени я не знал. Часы в зале вокзала «стояли». На том месте, где были наши вещи уже сменились несколько раз компании различных людей или семей. Паники и волнений больше не было, как и моей мамА...

Тревога не покидала меня, уже давно было темно за мутными окнами вокзала и многие пассажиры устраивались прямо на полу зала, готовясь ко сну...но я продолжал упорно стоять и ждать.

И дождался... На меня обратил внимание старший проходящего мимо патруля. Патруль состоял из одного усатого дядьки в картузе и двух солдат в папахах и шинелях. У всех у них были красные повязки на руках. Усатый был у них старший.

– Ты малец чей?, – задал он мне простой вопрос.

В ответ я захныкал и просто разревелся.

– Ну ты чего?, – подошёл он ближе и слегка приобнял меня, – потерялся?, – спросил усач, с грустной констатацией этого факта.

– Неее, – усилил я своё рыдание, и замотал отрицательно головою.

– Тююю, а так чего тогда ревьешь тут, как белуга?, – удивился дядька, немного отстранившись и более внимательно посмотрел на меня.

– Мама жду, – хныча ответил я.

– Давно?, – серьёзно он уточнил.

Я утвердительно мотнул головой, уставившись в пол и утирая нескончаемые слёзы.

– Ясно, – сказал грустно дядька и спросил:

– Как она то одета была? Может где видели?

– Да в беличьей шубе с хвостами. Рыжая такая, – с надеждой я выпалил скороговоркой, перестав хныкать и уставился на усача, как на спасителя в ожидании чуда.

Тот неопределённо хмыкнул, посерьёзней, выпрямился, расправил свои усы и глянул на своих спутников по патрулю. Те тоже как бы подобрались и с пониманием и жалостью уставились на меня.

– Ну вот что... не придёт твоя мамка... она того..., – начал серьёзно говорить усач, а у меня всё поплыло перед глазами...

Очнулся я лежащим на лавке в большом кабинете или комнате. Там были столы, стулья и лавки. Усача там не было. Но было полно вооружённых людей с красными повязками, как у тех патрульных. И был там ещё мужчина в очках и в кожаной куртке, как у шофера, но с португеей и большой кобурой. Я уже немного понимал, что это такое.

– Аааа, очнулся, – обрадовался он и протянул мне стакан воды.

Тут я почувствовал жажду и с жадностью стал её пить, позабыв про наказания мамА: «пить только кипячённую»... и тут же я вспомнил про все события...

Но то ли вода так на меня подействовала, то ли ещё что-то...но вот слёз уже больше не было...я осознал, что я тут один... Совсем один!

А рядом кто-то спросил у кого-то:

– Это малец той барышни, что ножом пырнули из-за сумочки?

– Наверное...по описанию шубы сходится..., – ответили тому.

– Можно было бы опознание провести...да уж увезли... да и мальчика пожалели..., – добавил другой.

Из этих обрывков разговоров я тогда сразу понял, что случилось с мамА... но уже не плакал.

– А что с ним делать?, – снова кто-то у кого-то спросил.

– Да сейчас свезут в «приёмник»...уже позвонили туда..., – ответили тут же.

И действительно, через некоторое время в комнату ворвался вихрь в красной косынке, – девушка в такой же шофёрской куртке и с португеей.

– Ну... и много сегодня беспризорных наловили?, – спросила она весело у всех сразу.

– Да никто их специально тут не ловит, – нехотя ей кто-то ответил.

– Вот...принимай барчука...без мамки остался, – ляпнул какой то бородач в шинели и в папахе, пытавшийся в клочок газеты завернуть какую-то подозрительную труху, – какой мне тогда показалась его махра.

Потом «красная косынка», которая представилась мне то ли Варей, толи Верой, отвела меня в детский приёмник.

По дороге пытаюсь удовлетворить своё любопытство. Но меня видимо тогда так всё пронаблю, что я упорно молчал. Я даже не ответил ни как меня зовут, ни от куда я.

Молчал я и при оформлении в «приёмнике».

А когда оказался внутри, то отказался раздеваться и мыться...как все другие беспризорники. Которых там было полно... и с которыми я уже сталкивался в Питере. Вернее, видел их... и мне папА пояснил, кто они такие и как появились. Тогда же папА приказал мне держаться от них подальше и лучше всего, завидев их, тут же убегать. Но до этого судьба меня не сводила с ними так близко.

Оставив меня в покое, персонал приёмника занялся настоящими беспризорниками.

После помывки и переодевания нас всех повели в столовую.

«Шпана», как назвал кто-то контингент приёмника, вела себя бурно. Смеялась, отпустила скабрёзные шутки... как в адрес своих собратьев, так и в адрес персонала. Те отвечали взаимностью...даже кого-то треснули палкой, не говоря про подзатыльники и просто тычки. Меня никто не трогал... я там был самый мелкий, самый тихий и самый чистый...

В столовой мы все сели за длинными столами. Там уже стояли миски и лежали ложки, а подавальщицы разносили нам хлеб, вручая его лично в руки и насыпали парящее варево в наши миски.

Если бы не голод...который проснулся у меня от вида хлеба, я бы наверное не смог есть ни это «блюдо», ни в этой обстановке, ни из такой миски и не такой ложкой.

Но все вокруг воспринимали происходящее как должное... и уплетали за обе щеки. И это на меня действовало положительно.

Нет...я уже имел опыт питаться в столовой...в гимназии. Но там всё было ... культурно и чисто...и вкусно. За плохое поведение там за столом, воспитатели могли поставить низкую оценку «по манерам» и сделать запись родителям в дневник. А самое страшное...это лишиться обеда...на день, два, а то и на неделю. В моей гимназии розог не было, но за ухо могли отодрать. Да и ходить весь день голодным мало удовольствия.

После позднего ужина нас всех определили на ночлег. Каждому была выделена койка. Ну как койка... Топчан из досок, с подушкой и матрацем с соломой внутри и «солдатским» покрывалом, – как кто-то назвал этот кусок плотной грубой шерстяной ткани серого цвета.

Не успел я положить голову на подушку и провалится в сон... как меня кто-то начал тормошить.

– Эй...барчук...ты с нами?, – шептал кто-то мне в ухо.

Я спросонья не понял, где я... мне снилось, что я у нас дома...в Питере.

С минуту я осознавал место и обстоятельства...

А голос продолжал шептать:

– Нужно сейчас дёргать...пока те дрыхнут...а то утром отвезут в интернат... а там не сбежишь...

Тут снова моя жизнь сделала крутой поворот и я на несколько лет стал обычным российским беспризорным – «шпаной» одним словом.

О том времени у меня остались двойкие впечатления.

С одной стороны я каждый день открывал для себя безграничный мир, а с другой стороны каждый день рисковал жизнью.

– Вот зачем меня потянул с собою Ванька?, – шалопай со стажем, – спрашивал я потом себя.

Да всё просто. В первый же вечер на их «малине» в подвале какого то брошенного и разграбленного дворца он научил меня играть в карты и раздел до гола, отдав в замен обноски, что выдали ему в приёмнике. А мои вещи напялил на себя...хоть те и были ему явно малы...

А потом исчез...

Но зато я приобрёл важные знания и умения. С удивлением обнаружив у себя талант к карточной игре. И уже я сам обыгрывал всех...малолеток. Это тех, кому ещё не было 14-15 лет. А старше...то уже были «старшаки» и те запросто могла набить морду малолетке и забрать всё себе без всяких карт.

Первая зима моих скитаний не была слишком тяжёлой. Сказывались остатки былой роскоши умершей российской империи. Полны были склады и квартиры, куда мы пролезали и живились продуктами и одеждой. Пока ещё полно было деревянной мебели для обогрева.

В ходе своего вынужденного ускоренного взросления я обнаружил, что не помню или не знаю о себе многих элементарных вещей.

Например, имя своё Сергей я знал, хотя в семье чаще меня именовали Серёня, Серёженька или в последнее время – Серж, – это чаще папА.

Вот Сержем я тут и назвался, и так меня все и стали звать, а то первая кликуха «барчук» – хоть уже и не была для меня такой обидной, но что-то мне подсказывало уже тогда, что лучше от «класса эксплуататоров» держаться подальше.

Фамилию я свою не помнил. Нет...в гимназии я на неё откликался. А вот сейчас «хоть убей» точно не знал, – то ли Кройцер, то ли Кронцер... Короче, решил тоже не торопиться, тем более что её у меня никто не спрашивал, а дружки сказали, что можно себе любую другую...красивую...выбрать. Я подумывал о «Козырь», ну такое прозвище ещё одно ко мне прицепилось из-за «везучести» в картах. Хотя «везучество» было моё умение считать... читать и писать. Причём на четырёх языках. Многие об этом не знали. Практически все беспризорники были безграмотными. Только с года 19-го стали появляться в наших рядах бывшие «домашние дети» и гимназисты, как я. Революция и война делали своё чёрное дело.

Так вот...отчество своё я тоже не помнил или не знал. Ну так вышло, что отца называл – «папА». А мамА называла его тоже как угодно...чаще на немецкий манер «май либе». Он её кстати тоже...и поэтому насчёт имени мамА я тоже не был уверен. А тем более на счёт её девичей фамилии. Это я об этом задумался, когда вспомнил про винокурни деда Ипполита в Нижнем. Хотел было в голодном 19-м году туда «рвать когти» из Москвы.

Но знающие люди меня охладдили... – Если даже дед твой ещё и жив...не выпустили ему кишки его же работнички или какая ни будь новая власть, то «гол он как сокол» и лишний рот ему не нужен. Тем более, с чего это я решил, что он меня признает в шалопайе-босяке за своего внука?, – когда я даже в имени и фамилии не уверен его дочери, то есть моей матушки. Которую не помнил точно, как звали...то ли Елена, то ли Хелена...

Вот такие «пирог с котятами»...

Я через год скитаний где то отметил, что среди нас нет девушек.

– Так их комиссары к себе быстро пристраивают, – кто-то ответил мне тогда.

Но за комиссаров не уверен, а вот в разных притонах я сам видел своих ровесниц, ведущих не детский образ жизни. Не говоря про более взрослых девиц.

Тогда эта тема меня ещё вообще не волновала...мал ещё был, ха-ха.

А вот залезть куда ни будь и чем то пожить...особенно в голодный 19-й год...это да...

В то самое время научился вскрывать любые замки. Один «медведь» или «шнифер» научил меня «смега ради» вскрывать сейфы. Я же ещё и мелкий был и мог в любую щель пролезть. В форточку и между решёток... А там уже и сейф стоит. Щёлкал я их как семечки... Подельники пеняли моему «учителю», что зря он себе конкурента сделал. Но тот ухмыльнувшись отвечал:

– «Бабки» нужны для девок и пошла... а малыцу до этого ещё пяток годков точно... а за это время... – махал он рукой и вздыхая добавлял, – либо он, либо я...

Помню пошли мы с ним на «дело»...

Кто-то «дал наколку на жирных хабар» в сейфе одной конторы.

Походили мы там вокруг пару дней. Контора серьёзная. Военная... Забор три метра, охраны немеряно, даже собаки. Сейф в здании за забором. На втором этаже. Короче... скис дядя и хотел уже отказаться.

Тогда я ему говорю: «Дядя Штырь (погоняло у того такое было блатное), давай я попробую... поймают... отпустят или в приёмник сдадут...».

Он махнул рукой...согласившись.

Собак я тех приручил...– Мало ли какому малыцу с собачками поиграть захотелось?, – видно так рассуждала охрана, видя как я залазил на забор и бросал хлебушек барбосам, а те видно с голодухи и тому рады были...не гавкали.

Ну, а потом... в «ночку воровскую», – это когда непогода, дождь и ветер, я «пошёл на дело».

Заученно залез на забор, окликнул тихонько барбосов. Те заскулили от радости и получили по горбушке за лояльность.

Когда я спустился по верёвке с другой стороны, Штырь перекинул мне свёрток с инструментом.

– Нужно саквояжем разжиться для него, – тогда я подумал, держа его под мышкой и тихо пробираясь мимо здания с охраной к цели.

В конторе всё было тихо. Светилась тускло только лампочка над входом с торца.

«Рабочая» сторона здания была в кромешной тьме.

Само строение я тоже изучил хорошо и всё обсказал подельнику-учителю, а тот уже и составил план, как пролезть мне во внутрь.

Там была пожарная лестница на крышу. По ней я взобрался и по коньку крыши, осторожно, чтобы не свергнуться, прополз к нужному месту.

Закрепив «кошку» за выступ кровли и опробовав на прочность, я стал потихоньку спускаться вниз к нужному окну на втором этаже. Для меня это было несложно, в который раз вот так проникать в форточки.

Меня всегда удивляла беспечность людей, что оставляли форточки открытыми. Даже на первых этажах. Не говоря про другие этажи выше.

Рутинно проникнув в нужное помещение, я обнаружил объект взлома на том месте, что и указывал «наводчик». Даже с моделью он не ошибся, обычный «мелер»...у папа был похожий... – кольнуло тогда меня.

Споро вскрыв его, я внутри, ни денег, ни других каких ни будь ценностей, не обнаружил. Всё было забито папками, пачками каких то бланков. Отдельно лежали штампы и печати.

Если бы на моём месте был бы Штырь, то он уже про себя обматерил бы наводчика, свою судьбу и плюнув бы на эту всю бюрократию полез бы назад в окно. Но мне...пацанёнку...всё

это было интересно. Я светил себе немецким электрическим фонариком и всё это рассматривал, разложив на полу.

Мне на ум снова пришёл папа... Он тоже в своём сейфе хранил бумаги. Даже украшения мамы просто лежали в шкапулках в их спальне на трюмо. – Значит бумаги имеют иногда большую ценность, чем деньги и драгоценности, – пришёл я тогда к такому неожиданному, но верному выводу. И с ещё большим азартом стал всё изучать. Буквально через пол часа я уже знал, что эта контора занимается снабжением всего Московского гарнизона. В различных папках были накладные на получение всего... начиная от продуктов и заканчивая обмундированием. – Видимо оружием занимается другая контора, – подумал я тогда с некоторым мальчишеским сожалением. Но всё равно продолжил изучать. И ещё через пол часа понял, что с этого можно поиметь... По крайней мере попробовать... И тут же я занялся делом.

Когда я закончил, то снова всё аккуратно сложил в сейф и снова его закрыл. Хорошо, что на нём не было верёвочной контрольной пластилиновой печати, а то пришлось бы химичить с ней и возможно возникли бы потом подозрения.

Когда я уже добрался до забора и тихо свистнул условленным сигналом, то мне показалось, что Штырь издал явный вздох облегчения. Взамен на перекинутую мне верёвку, я кинул ему сверток с отмычками и сверток с хабаром, перевязанный верёвкой, сдёрнутой мною с крыши.

Когда я спустился с той стороны забора, Штырь уже раскрыл добычу и стоял с озадаченно-разочарованным видом.

– Ты чего это?, – прошептал он.

– Потом расскажу... валим от сель, – потянул я его во мглу тени пристанционных пустых пакгаузов Москва-товарная.

На хазе, Штырь не выдержав... разразился руганью. Вспомнил всех... и наводчика и свою долю... и меня... дурачка малолетнего...

Но потом охолонув... ещё раз послушал мой рассказ и мою идею.

А идея была простая...

Я в разных папках рассматривал накладные, счета-требования и так далее.

И по их образцу заполнял бланки, что там лежали в сейфе и ставил необходимые печати и штампы.

Ну и самое главное, – это фамилии и должности на них... с подписями. Которые я тоже скопировал... как мог. А так как по каллиграфии ещё при поступлении в гимназию я получил «отлично» с устным «удовольствием» от главы приёмной комиссии, повторив в точности все вензеля на «высочайшем представлении гимназии», что висела тут же в парадной рамке, то повторить закорючки каких то «военснабов» было для меня плёвым делом. Я ещё и чернила там отметил и подобрал каждому своё. Благо на столах в том кабинете было полно «непролеваек».

Штырь, конечно, ввиду своей малообразованности, этому значения не придавал, но голова у него сработала в нужном направлении.

Он взял каждого бланка по образцу и утром куда то сдрынул с озабоченным видом... даже не опохмеляясь... перед этим напившись вечером... «с горя», - как он сказал.

Я же поплёлся по своим шалопайским делам.

Вернее, меня привлекла одна компашка москвичей. Мои ровесники играли в какую то странную игру, похожую на виденную мною в Питере у «бойскаутов». Но туда меня не приняли... сказав, что принимают только гимназистов. Формально я уже был теперь гимназистом, но вот только без формы. Которую я проиграл в карты ещё полтора года назад... эх-хэ-хэ. Да и носить её уже не обязательно... отменили это ещё «при керенском». Правда в нашей гимназии было строго и за форму требовали. Да и гимназий уже вроде как нет, а есть только школы.

Но и в этот раз вышел облом...

Мне было указано, что в «юные коммунисты», сокращённо в «ЮКи», таких как я не принимают.

– Это каких таких: «как я»? – опешил я от такой наглости.

– Беспризорников, – отрезал их вожак, парень лет 14.

Тут я чуть снова не заплакал, а он, уже смягчившись, пояснил:

– Если бы ты хоть был из детдома... да и то... ты не из нашего района и родители твои не с нашей фабрики...

Тут он запнулся, поняв, что сказал полную чушь...

Вот так меня не приняли в «скауты» и во второй раз.

Но то ли в отместку за меня, то ли что-то там не срослось... всех их распустили, как не оправдавших доверие... Шучу... Просто не было опытных тогда кадров, шла война, в стране была разруха и голод. Не до детей было всем.

Но моя мечта сбылась и я был принят в «новые бойскауты»... Об этом ниже.

А пока я был тоже занят своим личным выживанием в голодной Москве.

Вечером меня Штырь сам нашёл.

Вид его был самый довольный.

– Ну малец ты и фартовый..., – похвалил он меня сходу.

– Прикинь... втюхал я твои бумажки по «катышке» штука..., – продолжал тот хвастаться.

– Ну совсем хорошо, – я тогда подумал, не ожидая уже от этого вообще ничего.

Штырь мне «честно» отслонявил половину и довольный ушёл в вечернюю Москву. Больше я его не видел... Сгинул, как многие.

Я мою долю заныкал по разным своим захоронкам... Чтобы «старшаки» всё сразу не отобрали.

Ну, а часть внёс в общаки разных «малин» и «блатхат», чтобы туда меня пускали погреться, помыться и поспать. Еду нужно было приносить с собою. Такой был порядок.

Глава 3.

К концу лета 1921 года официально закончилась гражданская война и интервенция, хотя отдельные очаги сопротивления ещё были. Ну так все вокруг говорили и так писали в газетах, которые я регулярно читал, когда занимался их распространением. Довольно выгодное дело, если иметь своё бойкое место, иметь постоянных клиентов и быть способным это всё отстоять.

А делать это становилось всё труднее... как и находить пропитание.

Такое было впечатление, что мужики в селах перестали хлеб выращивать совсем.

Голод сотрясал страну год за годом. А тут ещё и засуха летом 1921 года и голод в Поволжье.

Москву запрудили толпы худющих крестьянских детей-беспризорников.

И большевикам не было другого выхода, как начать с ними бороться... ха-ха-ха. Именно так было написано в их газетах.

И действительно... начали нашего брата вылавливать. И никто-то там... а грозная ЧеКа! Во главе со всеильным «Железным Феликсом» – Держинским.

Вот что тогда писали в прессе и на плакатах, а мне запомнилось:

«После 1-й мировой войны и Октябрьской революции 1917 года беспризорность в России приняла угрожающий характер. В 1921 году в России насчитывалось 4,5 млн. беспризорников, а к 1922-му году – около 7 млн. беспризорных. Решение проблемы беспризорности стало политической задачей»

«Издан Декрет об учреждении Совета защиты детей. К работе на местах привлекаются органы ВЧК»

«По губерниям было разослано постановление наркомата образования о создании специальной детской милиции, организации бесплатного питания для беспризорников, их лечения, организации приемников»

«В январе 1921 года Президиум ВЦИК издал постановление об образовании «Комиссии по улучшению жизни детей», председателем которой был избран Ф. Э. Держинский. В комиссию вошли представители наркоматов просвещения, здравоохранения, продовольствия, рабоче-крестьянской инспекции, ВЦСПС, ВЧК»

«В 1921-1922 годах, в связи с последствиями войн, экономической ситуацией в стране, голодом в Поволжье, детская беспризорность достигла небывалых, катастрофических размеров. По утверждению Деткомиссии, эти явления грозили «если не вымиранием подрастающего поколения, то его физическим и моральным вырождением».

Я это всё уже и на себе прочувствовал.

Несколько раз меня ловили, и я благополучно сбежал из этих полутюремных заведений. Но своим уже не детским умом я понимал, что «пора остепениться и вливаться в систему», – как говорил мне недавно один зализанный типок из «совдепа», которому я приносил на дом газеты.

И я сам себе выбрал интернат.

Опять же с точки зрения будущего удобства жизни в нём.

1-м коммунистический интернат Замоскворечья имени Третьего Интернационала на Большой Калужской.

Куда я и прибыл самостоятельно в конце августа 1921 года имея направление из районного приёмника при детской комнате милиции.

Там были в некотором замешательстве от такой наглой инициативы шалопаю. Но препятствий не чинили. Тем более, что вид у меня был опрятный, я сам был уже пострижен «под ноль», благоухал одеколоном и тащил баул своих вещей.

Я к тому времени отточил свои анкетные данные. Помог тот «приспособленец» из «бывших», как он себя сам охарактеризовал. Он работал «совслужащим», в «гражданской» не участвовал, но имел справку о ранении «на колчаковских фронтах» и липовое «пролетарское происхождение», чтобы не попасть в «лишенцы». А так как образованных новой власти катстрофически не хватало, то его «отрывали везде с руками и ногами», – опять же по его утверждению.

Так вот... я был, согласно придуманной нами «легенде», самого что ни на есть пролетарского происхождения.

То есть, я из Питера. Отец-рабочий... погиб при штурме Зимнего. Фамилию и имя не помню по малолетству. Мама-прачка... пропала... имя помню... Елена... кажется. Где там жили... не помню... подвал какой то, труб вокруг много и гудки... (за «нарвской заставой» по описаниям похожее место есть).

А зовут меня Сергей, хочу быт по отчеству Владленовичем – в честь вождя мирового пролетариата Владимира Ленина...

А фамилия мне нравится Козырев, – как память о моём трудном детстве, когда меня называли «козырем». Чтобы его, проклятое, не забывать и строить самое справедливое общество в мире, где «всё лучшее детям», как сказал комиссар пролетарского просвещения товарищ Луначарский.

Отроду мне кажись 12 годков, так как батя хотел аккурат осенью 17-го в школу меня отдать, да вот революционные события захватили всю нашу семью. Бесконечные стачки и митинги, где я бывал с отцом и мамкой с малолетства.

Но грамоте я обучен. Сосед наш... революционный студент... Захарка... со мною занимался всё время, как сам себя помню... И даже химию с географией давал мне, приговаривая, что химия, чтобы «боНбу» для царя я мог сделать, а география – чтобы знал куда потом бежать, ха-ха-ха. Ну и языкам обучал... Чтобы и там... за границей значит... их пролетариат на баррикады идти агитировать мог... Эх жаль... летом 17-го... «казаки – царские холоуи», зарубили ево... когда он в них стрелял... из револьвера.

Тут следовало пустить скупую слезу...

Всё прошло как по маслу...

Помогла и характеристика из детской милиции Замоскворечья. Это тоже по совету того «спеца», как сокращённо таких вот образованных пролетариев сейчас называли. Но чаще как раз «непролетариев», а «попутчиков» и «сочувствующих бывших», короче «контру недобитую». Последнее, – это со слов дядьки из милиции. Но справку-характеристику тот мне выправил... на своём бланке с печатью, взяв за это с меня два фунта хлеба.

Согласно бумаги, я был образцовым беспризорным. Даже фак моего желания вступить в 19-м году в ряды «юных коммунистов» был там отмечен.

А так меня вряд ли бы в этот интернат приняли... Светила мне дорожка, согласно постановлению Деткомиссии совсем в другое заведение... для «дефективных детей»...

Это меня всё тот же «спец» просветил и газету дал почитать.

Всё там верно было написано.

Нет, я не был умственно неполноценным, как все думают, слыша слово «дефективный».

Просто, согласно того документа, всех детей, уличённых ранее или склонных... к воровству, насилию, лжи и другим неправомерным действиям, считали «дефективными» и их следовало усиленно перевоспитывать, изолированно от общества и других детей. Одних месяц, других два, а иных и до «домзака» или тюрьмы «по старорежимному» по достижению ими 16 лет.

А вот эта моя справка из милиции фактически утверждала, что я вполне нормальный ребёнок и могу жить и учиться с обычными детьми.

А в этом интернате именно такие и жили. Это были дети-сироты или полу-сироты москвичей, в основном рабочих, которые либо погибли в революционном вихре, либо продолжали сражаться вдали от дома.

Учились мы в обычной московской школе. Бывшей элитной гимназии. Вместе с детьми из обычных семей.

Как и пять лет назад, я держал экзамен на поступление.

На этом экзамене определяли в какой класс меня зачислить. И по единодушному решению комиссии, меня приняли сразу в пятый класс. Честно признав, что вряд ли я даже в пятом классе приобрету какие ни будь дополнительные знания. Но в шестой мне рано, так как тут у них семилетка, а после... либо в училище, либо работать. Но советская власть запретила детский труд и меня до 16 лет никуда не возьмут, так как даже в училище уже есть производственная практика. Так что мне же лучше лишний годик тут пожить на всём готовом.

Как всегда в таких заведениях, всё началось с осмотра у врача и помывки в бане.

Врач был сухонький старичок в пенсне. Мне до этого близко врачей видеть Слава Богу не доводилось. Вернее, скорее доводилось, но вот в памяти это не отложилось. Видимо здоровье у меня в раннем детстве было отменное. Что сказало потом положительно и во время моего бродяжничества, как ещё зовётся образ жизни беспризорника.

Во время него я ни разу ни чем не заболел. Хотя вокруг меня... вначале тиф, а затем и новомодная «испанка», косили ряды не только «детей подземелья» но и вполне себе добропорядочных граждан.

Позже я это себе пояснил несколькими факторами.

Первый и главный: это хорошая наследственность, как утверждал сейчас монах-учёный Мендель, а наш советский учёный Вавилов потом отстаивал эту теорию в неравной борьбе с всякого рода «мичуринцами-лысенками», говоря, что генетика никакая не лженаука, а наоборот – будущее всего человечества.

Второй главный фактор, это конечно личная гигиена. Как то не мог я быть грязным и есть что попало. Обязательно мыл руки, воду кипятил или ходил за кипятком в кочегарки, вокзалы и депо, где её раздавали всем желающим, таким вот способом власть способствовала и обогреву масс и заодно боролась с грязной водой и инфекциями. В Питере это была холера, – главный бич скученности и слива нечистот в водоёмы города, откуда и происходил водозабор. В Москве, благодаря акведуку, вода поступала более чистая, но вот потом... Поэтому лучше было пить кипячёную.

Третий фактор, это питание. Ему я уделял тоже большое значение. Ха-ха-ха... Каждый бродяга питанию уделял внимание! Но в отличие от большинства, мне не достаточно было одного хлеба. Я инстинктивно понял, что нужно разностороннее питание. И вообще, мне несказанно повезло, я умел читать... и в этом испытывал потребность. А так как в заброшенных хоромах различных бежавших буржуев были целые залежи книг, то я просто глотал их... читая всё своё свободное время. Всё подряд... и на всех известных мне четырёх языках. И вот попадались мне там книги и о питании. Особенно понравилась мне книжонка об мореплавателях. Их косила цинга. И спасались они от неё по-разному. Но вот лучше всего помогал лайм или по-нашему лимон. – Так вот почему англичан ещё кличут «лаймис» или «лимонники», – догадался я тогда.

Но вот незадача... Лимонов у нас не было... Но читая другие книги, я выяснил, что схожий...если не лучший эффект даёт наша русская квашенная капуста. А уж совсем «на безрыбье», сибирским охотникам помогал отвар из хвои. Им можно было и зубы полоскать, чтобы те не болели и не выпадали, но и пить его тоже было полезно.

А книга о правильном питании вообще говорила, что питание должно быть сбалансировано. И там должно быть всё! И любой перекоп тут же сказывался очень плохо. Много споров в книгах было о полезности горячей пищи и супов в частности.

Апологеты сыроедения приводили в пример народы Севера. Странники растительной пищи указывали на народы Юго-Востока и Индии в особенности.

Любители специй и острых приправ кивали на долгожителей Кавказа и той же Индии с Китаем, в которых вообще полная антисанитария с точки зрения европейца, а никто почти не болеет.

Особняком стояли радетели морепродуктов и так называемой Средиземноморской диеты. Те указывали также и на долгожителей страны Восходящего Солнца.

В общем, я понял, что есть можно всё...но умеренно. Так и старался не только хлебом с водой питаться.

Ну и конечно я держался подальше от всех, у кого проявлялись признаки болезни. Без всяких колебаний покидал ночлежки, где замечал такого человека. Даже среди ночи в дождь и стужу... Справедливо полагая, что находясь там до утра сто процентов можно заразиться, так уже был в курсе, как распространяются заразные хвори.

Поэтому доктор признал меня абсолютно здоровым и согласился с моими словами насчёт моего возраста. Для анкеты я даже дату дня рождения себе выбрал – 1 мая. Полагая, что например 7 ноября это уже слишком. И в этот день наверняка в будущем мой день рождения будет забываться. А День солидарности пролетариев всех стран самое то! Всегда будет «красным днём», то есть – выходным. Так ещё от «царя» повелось. Неужель рабочая власть это отменит?

Затем меня познакомили с моим воспитателем, вернее нашего пятого отряда.

Это был «рубаха парень». Таких позже называли «комсомольскими жожаками». Звали его Сева, как он сам мне представился. Лет ему было на вид около 17. На груди у него был интересный значок в виде красного знамени и буквами РКСМ.

Он повёл меня в расположение нашего отряда. Там никого не было. Как оказалось летом всех вывозили в летний лагерь и вернутся мои однокашники только через день. Поэтому мне выпала честь выбрать себе койку. Я в этом деле был уже опытным товарищем, но наглеть сильно не стал. Известно, что лучшие места это у печки или у глухой стены. Хуже на проходе, а ещё хуже у окна. Поэтому я занял койку у стены и недалеко от печки, которая ввиду жаркого августа ещё не топилась. Закинул в тумбочку мыло, зубную щётку и зубной порошок с парой книг и тетрадью с моими записками, я остановился в нерешительности, по поводу своего баула с остальными пожитками.

– Кинь тут...потом снесём в каптёрку, – махнул Сева рукой.

Я так и сделал... и мы пошли с ним в баню.

По дороге Сева мне поведал, что вообще всеобщая помывка будет послезавтра, после приезда всех, но раз положено при зачислении в интернат мыться, то вот он меня и сведёт туда сегодня. А потом...это уже как я захочу. – Есть тут у нас любители пара, – добавил он с незлой ехидцей, – не упускают возможности...а я люблю холодной водой раз в день в умывальнике ополоснуться и с меня довольно...

Я не стал с ним ни соглашаться, ни спорить, а перевёл разговор на другую тему, зная, что именно сейчас и сегодня насчёт гигиены идут жаркие споры. Одни называют это «буржуйским пережитком», «мещанством», а другие наоборот: «частью революционной культуры» и даже лозунги выдвинули: «в здоров теле – здоровый дух» и «чистота – залог здоровья».

Я задал ему вопрос о «текущем моменте в образовании».

Это его отвлекло от «скользкой» темы гигиены, и он с увлечением начал вводить меня в курс дела.

Выходило так, что вся власть в их школе принадлежала Советам школы и интерната. Советы, по мнению Севы, стали мощным инструментом в отстаивании учениками своих прав. Так например, наказать ребенка у них школе и в интернате можно было только с разрешения совета. А тот, естественно, имел тенденцию покрывать провинившегося. В глазах учителя

лей дореволюционной закалки подобное нововведение ставило под удар вообще всю логику школьного образования.

– ШКРАБы ходят злые, как сычи, – весело он констатировал положение дел.

– А, что это за «крабы» такие?, – спросил я с недоумением.

– Да известно кто... Учителя...их теперь переименовали в школьных работников, сокращённо ШаКээР, а мы их ШКРАБАМи обозвали, – рассмеялся Сева и добавил:

– Советским учителем я буду... когда закончу своё Педучилище, – важно произнёс он последнее уточнение.

Под неспешный разговор мы добрались до проходной завода «Бромлей», как его звали в просторечье, а надписей было аж две. Одна солидная, старорежимная, с ятями «Общество механических заводов братьев Бромлей», а другая довольно неказистая и хлипкая, и к тому же с ошибками гласила «Государственный машиностроительный завод № 2».

То ли Севу там знали, то ли тут был «проходной двор», а не фабричная пропускная, но у нас никто не спросил «за каким мы тут?» и мы спокойно проследовали в широко распахнутые ворота обобществлённого предприятия.

Ясное дело, что завод у братьев большевики отжали.

Сева знал куда тут топать и поплутав немного среди корпусов и строений мы уверенно вошли в приземистое здание с нехитрой надписью «Баня».

Тут уже точно Севу знали и нас пустили дальше в помывочную.

Сева, как и говорил ранее, от халявы помыться отказался и принялся трещать с банщиком, а я с удовольствием воспользовался возможностью помыться по-человечески, а не холодной водой, неизвестно где и второпях.

А тут ещё мне в интернате завхоз выдал нормальный кусочек мыла, невзрачного на вид и такого же запаха...но МЫЛА! Вот так! Большими буквами.

Между прочим, его можно было сменять на полфунта хлеба. На что Сева мне по дороге намекал. Однако я к гигиене относился совсем по иному и максимум, что ему пообещал – это обмылок. Тем более, что это как бы его доля...раз он не мылся.

Никого в бане, кроме нас и тамошней obsługi, не было. – Смена ещё не закончилась, – пояснил банщик. Так что баня была в моём полном распоряжении. В предбаннике лежали горы шаек, на гвоздиках висели мочалки разного рода изношенности, а в большой бадье отмокало даже с десятков берёзовых веников.

Я прихватил всего в одном количестве и зашёл в следующее помещение – раздевалку. Тут тоже всё было ясно. Были длинные скамьи, несколько столов, вдоль стен такие же незамысловатые вешалки в виде длинных досок с вбитыми в них гвоздями. Видимо это для верхней одежды в холодное время года.

Быстро раздевшись до гола и сложив вещи аккуратно на скамью, я поторопился в помывочную.

Насчёт воды ничего банщик не сказал, но я не стал наглеть и решил ограничиться одной горячей шайкой. Такая в то время была норма. Холодной можешь хоть утопиться...но это на любителя и то после парной. Я, честно говоря, любил.

Быстро ополоснувшись слегка тёплой водой, что бежала из крана холодной воды, я вбежал в парилку.

От температуры там... у меня аж спёрло дыхание. Я, будучи бездомным, регулярно посещал бани. Власти в Москве, несмотря ни на что, поддерживали их работоспособность и даже открывали постоянно новые при различных заводах и просто котельных. Где был технический пар и вода. В некоторые вход был бесплатный, в некоторые за чисто символическую плату, но были и дорогие бани. Те же Сандуны или Воронцовские тут неподалёку. Там тебе за 10 тысяч царских или за 10 рублей советскими даже простынь выдавали и будёновку для парной. Можно было купить и мыло пахучее и пиво с воблой. Но это меня тогда не интересовало. Я мылся

обычным, а спиртное не употреблял, как и не курил. Раз, конечно, попробовал когда то...но и всё...как отрезало. Тем более, что грустных примеров курящих и пьющих моих «товарищей по несчастью» было вокруг полно. Практически все... и пили и курили при первой же возможности. Были и «марафетчики». Эти нюхали морфий и кокаин. Они свободно продавались в аптеках. Но дорого. 25 новых рублей упаковочка порошка в один грамм. Ещё были в ампулах для уколов. Но то уже совсем пропащие.

Парная была так себе... на троечку. Почерневшие непонятно от чего деревянные настилы на сходах, которые анфиладой окружали источник жара, разогретые камни и высокими ступенями поднимались под самый потолок.

Я не решился взбираться и решил потеть внизу.

Первый раз без веника и пара.

Выскочив через десять минут изрядно пропотевшим я окатил себя холодной водой, набранной мною предварительно. Но особого удовольствия не получил, так вода из холодного крана тут лилась тёплая. – Наверное устоялась и нагрелась в трубах, – я решил.

Но делать было нечего, и я приступил к помывке.

Затем я ещё несколько раз ходил в парную, уже плескал воду на камни и разгонял на теле пар, безжалостно хлестая себя веником.

Потом окончательно ополоснувшись, собрав банный инвентарь я вышел в раздевалку. Там по прежнему было пусто.

Растеревшись вафельным полотенцем, которое мне выдал завхоз интерната вместе с мылом и чистым исподнем, я на нём же и растянулся на лавке. Ощущая во всём теле неимоверную благодать.

Если бы ни звуки завода, что иногда пугающе резко врываются и в баню, я наверное там мог бы и уснуть.

Но отдохнув от мытья, я быстро оделся и прихватив свои вещи и местные, что должен был отдать банщику, выскочил в предбанник.

Там ничего не поменялось. Банщики воспользовались «свежим человеком» в лице Сева, и рассказывали ему что-то «жизненное».

И моё появление вызвало у них разную реакцию. Сева неподдельно обрадовался, а служители «гигиены» так же искренне... огорчились.

Отчитавшись о помывке мы с Севой поспешили назад, в расчёте успеть к обеду.

Надо сказать, что 1-й коммунистический интернат Замоскворечья располагался не абы где, а в каких то бывших царских хоромах. Которые вначале...как водится... изрядно ограбили...хорошо не спалили, как это делали крестьяне по всей России, а уже потом отремонтировали под нужды сирот и просто детей рабочих и не только... как потом выяснилось.

Вокруг помпезного здания интерната раскинулся так называемы «Нескучный Сад». Любимое место отдыха москвичей. Правда за годы войн и революций он изрядно потускнел, как мне вещал со знанием дела москвич Сева, но вот НЭП повлиял на него положительно. Как ни странно... С сомнением в голосе сказал мой воспитатель.

Я газеты читал и знал, что такое, этот НЭП – новая экономическая политика большевиков.

Не от жизни хорошей они пошли на фактический возврат к «старому миру»...

Голод и разруха были причинами объективными. А «военный коммунизм» был причиной субъективной. То есть эксперимент по ускоренному насильному построению «самого справедливого общества», как ещё писали некоторые газеты, попросту с треском провалился.

Но большевики это называли «два шага вперёд и шаг назад».

Основные этапы введения НЭПа в СССР:

Замена продразверстки налогом с уменьшением в два раза, с переходом к денежному эквиваленту. Декрет от 21 марта 1921.

Разрешение свободного товарообмена сельхозпродукцией. Декрет 28 марта 1921.

Создание кооперативов, которые были уничтожены в 1917. Декрет 7 апреля 1921.

Перевод некоторой промышленности из рук государства в частные руки. Декрет 17 мая 1921.

Создание условий для развития частной торговли. Декрет 24 мая 1921.

Разрешение ВРЕМЕННО предоставлять возможность частникам брать в аренду государственные предприятия. Декрет 5 июля 1921.

Разрешение частному капиталу создавать любые предприятия (в том числе и промышленные) со штатом до 20 человек. Если предприятие механизировано – не более 10. Декрет 7 июля 1921.

И сразу это дало свои плоды.

Как по мановению волшебной палочки пустые полки магазинов заполнились товарами. Но пока сказывался неурожай. И зима обещала быть голодной, но уже не такой как до этого.

Забегая наперед, скажу, что НЭП привел к тому, что очень многие идеалистически настроенные большевики пускали себе пулю в лоб. Они считали, что восстанавливается капитализм, и они зря проливали кровь на фронтах Гражданской. А вот не идеалистически настроенные большевики очень здорово использовали НЭП, потому что во время НЭПа было легко «отмыть» то, что было награбленного время «экссов.»

НЭП, – это треугольник: руководитель отдельного звена ЦК партии, руководитель синдиката или треста, а также НЭПман, как «барыга», через которого идет весь этот процесс. Это вообще было коррупционной схемой с самого начала, но НЭП был мерой вынужденной – большевики без него не удержали бы власть.

Но к этому я пришёл позже. А пока я понятия не имел, что хорошо, а что плохо. Поэтому перед Севой стал разыгрывать «идейного». Выдав расхожую тогда сентенцию: «НЭП по Ленину, – это смычка крестьянства и пролетариата. Если ты против смычки крестьянства и пролетариата, значит ты противник рабочей власти Советов!».

Услышав такое от беспризорника, Сева аж крикнул от удивления, но похвалил и как мне показалось, с этого момента зауважал.

Глава 4.

Вливание в коллектив прошло буднично. Для меня...

Сколько вот таких «вливаний» было за мою кочевую жизнь? Не счесть...

Главный принцип, – это хороший «подгон» коллективу.

А какой «подгон» хорош для ребят интернатовцев в возрасте 10-13 лет?

Конечно же что-то съестное, а лучше всего сладкое.

Перед самым приездом детей из летних лагерей, я отпросился и сбегал в ближайшую непмановскую кондитерскую и купил там кило тянучек и кило карамели. Сторговался по сходной цене, так как они явно у них уже слежались. Народ в Москве разбогател буквально на глазах и такого сорта сахар под видом конфет уже за лакомство не воспринимал. О чём говорил и сам ассортимент лавки, с громким названием «Кондитерская Марцыпанова». Там были разного рода пирожные и шоколадные изделия. Моими самыми любимыми были конфеты «Птичье молоко». А из других лакомств: зефир и мармелад. Но что-то мне подсказывало, что нужно быть проще и никому об этом не следует знать. А лакомится ими так, чтобы об этом никто не знал и не догадывался. А «ириски-карамельки» долгое время будут самыми пролетарскими сладостями. Но нужно быть с ними осторожным, чтобы не испортить зубы.

Знакомство с моими будущими однокашниками прошло «на ура». Хотя один хлыщ и такая же девица отказались от угощения. Буркнув, что не любят сладкого.

А услышавший это «колобок», тут же подскочил и попросил их долю себе. Сказав при этом:

– Серый, ну их... непманов.

Хотя я всем представился как Сергей, этот пухлый весельчак уже переименовал моё имя на свой лад. И снова мне что-то подсказало, что время Сержа уже безвозвратно ушло, а Серый это лучше, чем Серёжа...

«Колобок» оказался Костей, но отзывался без обиды на кликуху «колобок», ха-ха.

Фактически это был мой первый тут знакомый ровесник. Сева всё же был нашим воспитателем и учителем... преподавал в школе труд.

Вот такое появилось новое направление обучения. Работать детям нельзя, а к труду приучаться надо! Трудовое воспитание называется!

Были небольшие тёрки с парнем, который якобы занимал мою койку раньше. Но так как он был явно хлипче меня, то дальше словесного недовольства не пошло.

Конечно, если бы это был какой то местный вожак или авторитет, то тогда да... я сам бы уступил. А так нельзя было «терять лицо» и поэтому я просто сказал: «кто первый встал... того и тапки», чем вызвал всеобщий хохот.

Затем был небольшой доклад «кто я и от куда».

«Анкета сына пролетариев из Питера» прокатила и среди сверстников. Хотя большинство из них имели как раз вот такую свою настоящую биографию. Только москвичей.

Но ответив на несколько уточняющих вопросов о Питере, и сославшись на плохую память, ввиду моего малолетства в то время, ребята от меня с расспросами на время отстали.

Тем более, что нас позвали на обед, а после обеда мы все дружно пошли смотреть урожай. Как оказалось тут были распаханы целые большие куски земли под огороды, которые ребята называли делянками.

Мне всё это было до жути... не интересно и даже в некоторой степени стрёмно. Ну не лежала у меня душа к земле и огородничеству.

Хотя у нас на даче и были какие то грядки и Глаша с другими своими товарками там возилась.

Традиционно там всё лето варилось варенье. Начиналось всё с клубники и так вот до самой осени... что там булькало в огромных, как мне тогда казалось, медных тазах, распространяя по всей округе сладкий дурман. Мне давали полакомиться пенкой. Хорошие у меня остались о том времени воспоминания. Слава Богу, что больше слёзы на глаза от них не накапывались.

Тут я оценил состав и количество нашего интерната или как ребята сами себя называли – коммуны.

Как я и решил с самого начала, увидев количество комнат и коек, и столов в столовой, нас было около 50 человек воспитанников при пяти воспитателях. Причём сюда входили и директор и два его зама. Отдельно шли завхоз, повар, и сторож. Воспитанники интерната были разбиты условно на семь отрядов. Самый многочисленный был мой. Двенадцать парней и десять девушек. В четвёртом отряде, в шестом и седьмом было где то по семь – пять человек. И десять ребят в образном тринадцатом отряде как его тут в шутку называли, имея ввиду 1-3. Да, в этом была вся картина российского сиротства. Самый массовый возраст был мой, от 10 до 13 лет. Младшие просто не выживали, а старше... тоже... но уже по иной... криминальной причине.

С удивлением узнал, что всю работу ребята делали тут сами. Назначались как дежурные на время, так и выбирались на постоянно-временной основе: старосты отрядов, заведующие складом, кладовой, столовой и так далее.

Даже здесь были ответственные за ту или иную пашню или участок огорода.

Так вот, земля была ещё одним фактором, заставившим меня срочно покинуть улицу и влиться в ряды детдомовцев.

И ничего тут странного. Просто большевики, наряду с внедрением частной собственности в хозяйстве страны реши внедрять её везде. Так это коснулось и борьбы с беспризорностью. Вот такие коммуны стали активно создавать на селе и они преобразовывались в сельхозпредприятия. Дети трудились на земле, добывая себе пропитание, а излишки руководство таких коммун сдавало в виде продналога и продавало свободно на рынке. За вырученные деньги покупало одежду, дрова и всё необходимое. Таким образом уменьшая бремя государства по их содержанию. А следующий шаг большевиков совсем меня сбил с толку. Детей стали отдавать на усыновление-удочерение в крестьянские семьи. И крестьяне стали их брать! Теперь они не были лишними ртами, как совсем недавно даже свои дети. На земле снова стало выгодно работать, а на каждого члена семьи была положен надел земли от 4 до 10 десятин.

Так что у меня угрожающе замаячила перспектива после очередной облавы детмилиции оказаться в натуральном рабстве у какого ни будь мироеда. И я был уверен, что меня там охраняли бы не хуже, чем в каком ни будь «домзаке».

Но вот я стоял и тут перед натуральным огородом и всё шло к тому, что меня тоже «запрягут его пахать».

Должен констатировать, что мне этого совсем не хотелось, как и другим любым простым трудом заниматься.

И тут мне пришла помощь совсем от постороннего человека.

– Сергей привет, – обратилась ко мне главная воспитатель или зам. директора по воспитанию, товарищ Надя, – как она мне представилась в первый наш день знакомства, позавчера, когда и принимала меня в состав интерната.

– Привет товарищ Надя, – ответил я.

– Пойдём... познакомлю тебя с нашим директором и другими воспитателями, – потянула она меня энергично за руку.

Я давно заметил эту группу взрослых и сразу понял кто это, но не стал внаглую разглядывать их.

– Ну, ну... вот ты какой... доброволец, – с приятной улыбкой обратился ко мне скорее всего наш директор. Он был высок, худ, с чернявыми вихрами на голове, с бородкой и

живыми глазами. Одет в партикулярное платье, которое носили все учителя в моей гимназии. Кстати, и мы все были одеты в подобие гимназической формы. Только из дешёвой ткани, серого цвета и без всяких там нашивок, блях и даже пуговиц. Всё было на крючках и завязках. С обувью была просто беда. На некоторых ребятах были лапти, а многие бегали тут босиком. Особенно малышня. На голове тоже был разноробой. От гимназических фуражек до будёновок и матросских бескозырок. Некоторые носили что-то типа тубетеек. Довольно модный на то время головной убор.

При слове «доброволец», все вокруг засмеялись, а я подумал, что в принципе не плохо... в духе времени, подсказал мне мой внутренний голос, но вслух я сказал вежливо:

– Здравствуйте, меня зовут Сергей, отчество я себе взял Владленович в честь..., – начал я рассказ своей легенды, но был остановлен директором, который её за меня продолжил:

– В честь Владимира Ленина, а фамилию взял Козырев, от своей клички «козырь», чтобы помнить беспризорное прошлое и всех детей в будущем сделать счастливыми. Верно?

– Всё верно, – согласился я, широко при этом улыбнувшись. Тот «спец» мне это советовал, – чаще улыбаться, мне идёт.

– И образован на уровне теперешних требований даже к седьмому классу, – добавила, с некоторым сомнением в голосе, строгая женщина, в глухом синем длинном платье, что носили все совслужащие женского полу, которых я до этого встречал.

– Да, товарищ Сеницына... а Вы боялись, что не того нам взяла товарищ Надя, – обратился к ней серьёзно директор.

– Пал Семёныч..., – вспыхнула та, – и ничего я не боялась... просто Надя такая... доверчивая... что ли..., – добавил «синий чулок», как я уже обозвал про себя эту гримзу.

– Ну так проэкзаменуйте Сергея Владленовича, – предложил весело директор, которого, как выяснилось только что, звали Павлом Семёновичем.

– Интересно, какие у них тут у всех клички?, – пронеслось у меня в голове, а обсуждение моей персоны продолжалось.

– Увольте... пусть с ним в школе мучаются... коль взяли в пятый класс прямо из подворотни, – сухо добавила гримза.

При этих словах, моя улыбка показалась мне неуместной, и я сделал серьёзное лицо.

– Ну... молодой человек... не гневайтесь так на Аделаиду Вениаминовну, она у нас известна скептик. Ну, а раз ты такой серьёзный, то и дело тебе серьёзное... Читать любишь?, – сменил тему директор.

– Очень, – коротко ответил я и снова расцвёл улыбкой.

– Ну вот и хорошо... будешь библиотекарем нашего интерната, – вынес решение Павел Семёнович.

Я с радостью согласился и уже через десять минут рассматривал стеллажи настоящей императорской библиотеки дворца, где находилась наша коммуна, как я и сам стал её называть.

– Ну как? Нравится?, – весело спросила у меня товарищ Надя.

– А то?, – выдохнул я.

– Справишься?

– Конечно, товарищ Надя!

Я посещал несколько раз настоящую библиотеку в моей гимназии и представлял её устройство и работу.

– Ну тогда вот возьми тут методичка по библиотечному делу, – как мне показалось, с большим облегчением вручила мне тоненькую книжицу Надя.

– Скорее всего на неё это «повесили», а она к «живой работе тянется», – как позже она мне пояснила, чем и подтвердила мою догадку.

Вот так я и был избавлен от физического труда. И даже наоборот. На следующем собрании коммуны поставил вопрос о выделении мне либо дежурных, либо ещё двух помощников.

А то я сам с библиотечными фондами ещё не разобрался, а кому то нужно хотя бы мыть полы и пыль вытирать.

К тому времени моя повёрнутость на чистоте уже была всем известна и находила поддержку у руководства, и такая постановка вопроса была всячески поддержана. Тем более, что руководство было заинтересовано в новых местах приложения усилий воспитанников. Что-бы все были при деле.

Дела в школе у меня шли хорошо. Я быстро договорился о свободном посещении уроков. Приходил только на контрольные работы. Да и то ... чтобы поднять общий уровень успеваемости своей группы. Повсеместно внедрялось групповое оценивание. На всех уровнях внедрялась уравниловка, превалирование коллектива над индивидуальностью. Так и оценка ставилась на весь класс или группу.

Образование в стране проходило бурный период реформ и развития. Преподавателей катастрофически не хватало.

Шёл процесс ликвидации неграмотности.

Очень интересные истории поведали мне мои однокашники о своём летнем отдыхе.

Чтобы разнообразить своё питание, они там открыли школу и клуб. Вот так взяли и в сарае бывшей помещицкой усадьбы, с которой рядом был их палаточный лагерь и открыли.

Сделали примитивный ремонт, всё завесили кумачом и самодельными плакатами.

И устраивали там чтения газет и книг для селян.

Отдельно шло обучение счёту и грамоте.

За что пережили нападение кулаков и подкулачников. Так как разъяснили мужикам как те их дурят.

По закону нельзя было давать в рост ни деньги, ни зерно, ничего... А мироеды этим занимались. Причём грабительски. Отбирая до половины урожая.

Но ничего. Приехал районный оперуполномоченный с ЧОНовцами и те нашли «виновных». Две семьи кулаков, на кого указали деятели из Комбеда, увезли, а их имущество, что не влезло на подводы, в том числе и их дома разрешили разобрать крестьянам.

Село гуляло неделю. Несмотря на церковный пост, резали и ели скотину, что осталась. Так как не получалось её по иному поделить.

Дома тех кулаков тут же занял председатель Сельсовета и главный Комбедовец.

Позже дети из села рассказали, что это всё Ванька-безштанный, главный Комбедовец, так отомстил. Одна семья не отдала за него некую Маруську. А глава другой семьи «копал под него». Хотел в их селе «копотив» делать. Чтобы всем гуртом землю пахать и урожай собирать, а потом делить среди всех, согласно отработанного времени...

Но директор интерната тогда постановил: «В дела становления Советской власти на селе больше не вмешиваться. В том смысле, что не настраивать одну прослойку против другой. Так как от кулака сейчас, на данном историческом этапе, есть реальная польза в борьбе с голодом в городах. Так как он сознательно производит «товарное зерно» на продажу, а середняк с бедняком этого не хотят или не могут по разным причинам». Вот такая формулировка была в протоколе того собрания летнего лагеря «1-го коммунистического интерната Замоскворечья», что пылился, вместе с другими в отдельной папке в библиотеке, чтобы каждый желающий мог с ними ознакомиться.

– Странные дела там творились, – решил я, но тоже в расспросы не вдавался. Хотя, как по мне, за набитые морды и исписанные стены сарая разной пахабщиной, высылать семьи в Сибирь, это слишком. Хотя могли и до Сибири не доехать...эх-хэ-хэ.

Ну так вот...за всё это...за читку книг и газет, за науку...селяне несли в лагерь детям, всё что было у них на огороде. Поэтому все были довольны и сыты. И даже в общем прибавили в весе до 14%. Кстати, этот показатель был основным в оценке работы директоров детдомов

того времени. Всех детей постоянно взвешивали на весах и меряли рост. Вычитая из прироста естественный рост организма детей! Всё по науке.

Я, чтобы не отставать от веяний времени, создал кружок читателей, пока три человека. Каждому члену кружка поручили привлечь минимум ещё одного. И вообще, следить, чтобы у всех коммуновцев «на руках» была хоть одна книга из рекомендованных к прочтению. И следить за целостностью книг и за сроками возврата. Ну и само собою, проверять их прочтение, посредством пересказов на вечерах книголюба.

Инициатива моя была замечена и я был поощрён дополнительным пайком. Который раздавал самым худым из младшей 13-й группы. Что тоже было отмечено и за что я получил настоящую зимнюю шапку из овчины, как награду. Тут же на неё прицепил красноармейскую звезду и с гордостью носил.

Затем меня нагрузили преподаванием иностранных языков. Вернее не так. Нужно было как то заинтересовать школьников и коммуновцев изучать иностранный язык. Обязательный у нас в школе был немецкий.

Но мне намекнули, что неплохо бы и французский с английским факультативно начать изучать. В смысле мне организовать кружки по их изучению.

А за это ...ну в общем... всё, что захочу... в пределах сметы на содержание нашего «богоугодного заведения», как раньше называли детдома.

Я отказываться не собирался, так как нужно было зарабатывать авторитет... и материальная сторона тоже играла роль. Я постепенно вырос из своих вещей и раздал их младшим, кто нуждался. А у самого к зиме пока была шапка и интернатовское пальто, из солдатского сукна, гимназического покроя. Нужны были ботинки или сапоги, к ним тёплые носки. Под пальто нужен был хороший свитер или телогрейка, на шею шарф, на руки перчатки... можно вязанные. Завхоз твёрдо всем обещал к зиме только пальто. А обувь одну пару на двоих-троих. Это имелось в виду что-то фабричное, а лапти конечно с обмотками были у всех.

И тут «языки»... Удивляла меня наша советская власть своим полётом мысли...

Начал я свою деятельность с изучения трудов основоположников Маркса и Энгельса. Они, как известно, были немцами, но жили то во Франции, то в Англии. И много писали вот на всех этих трёх языках. От этого я и оттолкнулся.

То есть от работ великих теоретиков коммунизма, где было написано, что с наибольшей вероятностью социалистические революции в Европе произойдут в Германии, Англии и Франции.

В Германии уже случилась одна революция в 1918 году и тоже сбросила своего царя – кайзера и там сильны позиции коммунистов и социалистов.

Во Франции и Англии ещё революций не было. Но эти страны сотрясают стачки и восстания на местах... в их колониях. Про это тоже указал в своём вступлении.

Ну и конечно, языки нужно знать, потому, как не все труды пока переведены на русский язык, взять ту же переписку Энгельса с Каутским. И может кто-то из нашей коммуны в недалёком будущем первый их и переведёт на язык главного народа первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян – русский, – который к тому же ещё и язык межнационального общения. И все народы Советской России и бывших царских окраин прочтут труды великих творцов будущего всего человечества.

Но и это не всё.

Нужно будет вскорости идти на помощь нашим братьям-пролетариям Германии, Англии и Франции...когда они там скинут своих буржуев и те там пойдут на них войной. Или того хуже... задавят революционное движение и нам нужно будут там раздувать поджар мировой революции, как учит нас товарищ Троцкий... Тут у меня в голове щёлкнуло и про «льва революции» я не смог произнести больше ни слова, пока не выдавил: «...но это сейчас не главное...»

И продолжил в ключе последних Ленинских установок «...на мирное сосуществование двух систем...социализма и капитализма...торговли между ними...». Вспомнил Каннскую декларацию союзников-победителей, где признавалось право всех на свою систему хозяйствования и невмешательство в дела друг друга.

Тут я плавно перетёк на «текущий момент» и «гидру империализма», что возвращает предателей внутри молодой страны Советов. Напомнил всем и про «заговор послов» и арест Локкарта, убийство ээрами посла Мирбаха в 1918 году, интервенцию. И про то, как важно было бы нашим товарищам чекистам тогда и сейчас иметь помощников из числа рабочей детворы, что могли бы подслушивать разговоры иностранцев и потом в чека передавать.

Тут и случился этот перелом...

Все как один записались на все три языка...

Для практики, я поручал тереться им возле иностранцев, которых стало полно в Москве в виду НЭПа. А что бы проверять, просил всё потом записывать. Но об этом позже...

Глава 5.

А пока мы готовились к первой премьере нашего театра. Да...театра... Страну охватил театральный бум...

Несмотря на тяжелую экономическую обстановку, развитию театрального искусства как наиболее доступного пониманию широких народных масс молодое советское правительство уделяло особое внимание. Моссовет оказывал финансовую поддержку ведущим из существующих тогда театров, а после принятия Совнаркомом в августе 1919 года декрета «Об объединении театрального дела» все театры были взяты на государственное обеспечение. «Театральным строительством» в Москве руководили Театральный отдел Наркомпроса и Художественный подотдел Московского отдела народного образования (МОНО).

К работникам театрального искусства были обращены призывы: «На улицу!», «Для всех!», «Для каждого!».

В 1918-1920-е годы регулярно организовывались районные передвижные спектакли как центральных театров, так и отдельных трупп. Наибольшее развитие в первые послереволюционные месяцы получили театры фарса и миниатюр.

В 1917 году наблюдался настоящий «бум» представлений этих театров. Однако уже в 1918 году произошёл значительный рост числа драматических спектаклей, в том числе передвижных.

В первые послереволюционные годы сеть московских театров стремительно росла.

В 1919 году Владимир Немирович-Данченко основал в Москве Музыкальную студию, впоследствии театр его имени.

А 7 ноября 1920 года в Москве открылись сразу три театра: Театр РСФСР № 1-й, возглавляемый Всеволодом Мейерхольдом. В бывшем театре «Эрмитаж» стал работать первый рабочий театр – Центральная арена Пролеткульта, а в здании бывшего цирка братьев Никитиных – первый профессиональный агитационный театр – Театр Революционной Сатиры, более известный как Теревсат, с 1922 года – Театр Революции, где часто выступал Владимир Маяковский. В 1921 году на базе студии МХАТ был создан театр имени Евгения Вахтангова. В 1920-е годы возникли также театр имени МГСПС, впоследствии Театр имени Моссовета.

Обследуя наш Дворец, я случайно наткнулся на помещение, которое мне смутно что-то напоминало.

Немного напряг память, я вспомнил, что оно напоминало мне большой иллюзион или зал малого театра недалеко от нашего дома в Петербурге. Куда меня водили на разного рода дневные спектакли.

Немного захлапленное, но к удивлению, целое. Так как в холодные зимы всё дерево, особенно мебель шла на обогрев. А тут стояли целыми рядами стульев и сцена была без повреждений. Хотя в Москве доходило до того, что крыши с домов ночью снимали в погоне за сухим деревом на дрова.

И тут же мой мозг родил мысль о создании нами своего собственного театра, так как билеты в другие театры стоили ... начиная от 25 советских рублей, что составляло десятую долю от зарплаты ШКРАБа, как я уже знал.

С этой идеей я выступил на очередном собрании Совета нашей коммуны и был всячески поддержан.

Как только я объявил, что мы создаём театр, тут же нашёлся худрук и сценарист в одном лице – «колобка», который важно заявил, что его отец работает у самого Мейерхольда.

А Никита и Катя выказали жгучее желание «...играть любую роль...».

На что Колобок озабоченно произнёс: «Пробы покажут» и посмотрел на них строго, от чего те стушевались. Чего за ними я лично ни разу не замечал, как и такой важности у Колобка.

Никита и Катя, были теми, кто отказался от моего «подгона» при «влипании».

Ну конечно... у парня мама известная певица, постоянно на гастролях, отец... погиб..., а у девушки мамы нет, но папа «всего на всего» главный инженер завода «Бромлей», который теперь «Государственный машиностроительный завод № 2». И этот завод является формально нашим шефом. Такое сейчас время, что над всеми детдомами кто-то шефствует. Только вот наши шефы ну совершенно сами «стесняются» нам помогать. Ну вот разве в баню бесплатно нас пускают к себе. Иногда на проходной спросят: «Помощь не нужна?».

И наш директор весело и бодро им отвечает: «Нет».

И тут у меня в голове созрел следующий план...

Всем миром мы привели в порядок помещение, а наш худрук-сценарист закончил первую свою пьесу с расхожим для того времени названием «Богач – бедняк». Думаю, что следующее его произведение будет «Кулак – батрак».

Ну только место действия будет в деревне.

А так всё просто.

Есть рабочий-бедняк и есть богач, – эксплуататор-хозяин фабрики.

Первый работает «за копейки» день и ночь, живёт в подвале и едва может прокормить жену и троих малых детей, а второй жирует, живёт в своё удовольствие и прогоняет рабочего, когда тот пришёл просить поднять ему зарплату. Да ещё и оштрафовал «за отлучку с рабочего места». Жена ругается, дети плачут. Идёт рабочий в кабак и там напивается. Тут выходит на сцену агитатор-большевик. И призывает рабочего к сознательности, поясняет тому, что он на самом деле самый передовой класс в мире – пролетарий. Рабочий перестаёт пить, а большевик вручает тому листовки для его товарищей-пролетариев с завода. А там написано, что пора сбросить ярмо эксплуататоров и взять власть в свои руки. Рабочие завод прочитав те листовки идут и свергают... вначале своего эксплуататора-фабриканта. А затем колоннами идут на штурм Зимнего. Вооружившись по дороге... и к ним ещё примкнули солдат и матрос.

Штурм состоялся... рабочий-пролетарий ранен, но доволен, так как стал гегемоном и установил свою диктатуру! Как тому и зрителям должен пояснить агитатор, а теперь уже красный комиссар. В конце добавив: «Не время товарищ на койках больничных валяться... не время... Пора добить гидру империализма и выкинуть её за пределы Советской России». От этих слов рабочий чудесным образом выздоравливает и под радостное напутствие жены и детей, идёт на «фронты гражданской войны». В течении пьесы исполняется хором Интернационал, Вихри враждебные... в задумке... вместе с залом.

Сам сценарий как бы подразумевает продолжение.

Совет нашей коммуны единогласно утвердил сценарий и довольный Колобок приступил к работе.

Следующим этапом было распределение ролей.

Самая сложная роль, это конечно был агитатор-комиссар. Там было много текста, и я её взял себе без каких либо возражений со стороны ребят.

Ожидаемо не находилось желающих играть самого эксплуататора и его прислужников в лице управляющего завода и так сказать «подруги» – гулящей девки, которая должна была своим образом подчеркнуть всю глубину падения отрицательных персонажей, заигрываю с обеими.

Но как только я внёс уточнения в образы, то на роли фабриканта и его любовницы вызвались Никита и Катя. А моё предложение было таким: «Хоть пьеса о событиях пятилетней давности, но образы должны отражать нашу действительность. Фабрикант должен быть похож на НЭПмана, а его подруга да хоть на Айседору Дункан...». Как раз бурно развивался её роман с

модным поэтом Сергеем Есениным. А придание современного вида персонажам классических произведений на сцене было современным театральным поветрием.

– И нужно резче проявить все черты непманшины...одежда крикливая...танцы эти ... твист там..., – наставлял я сценических неопитов, подражая стилю Колобка, который из нас всех был ближе всего к Мельпомене.

На роль управляющего тоже нашёлся желающий...как позже выяснилось, «нервно дышащий» к Кате.

Через неделю состоялся первый «прогон», как назвал это Колобок. Это когда уже отдельные сцены были более-менее отшлифованы. Хотя без суфлёра и голоса за сценой не удалось обойтись. На что Колобок сказал: «Без суфлёра играют, когда выходят на сцену в сотый раз и слова сами выскакивают...»

И подумав, добавил загадочно:

– Вообще на сцене главное игра, а не слова...

Ну не знаю как там со словами... я например чисто импровизировал близко к тексту, но играли все хорошо. Правда Колобок тоже вошёл в образ и прерывал «актёров» истошным ломающимся голосом подростка: «не верю!».

Добавляя, что он «работает по системе Станиславского».

На вопрос из зала: «Кто это?»

Колобок вскочил и грозно посмотрел на там сидящих, все своим видом негодуя от невежества спросившего. Больше никто, ничего у него во время репетиций не спрашивал. А позже он с ленцой и превосходством пояснил, что это самый передовой на сегодня театральные режиссёр.

Этот метод работал и даже я овладел им и умел перевоплощаться и даже пускать слезу, когда нужно. Всего делов-то...вспомнить самый печальный момент своей жизни и не сдерживать себя... А их у меня, да и всех тут присутствующих было предостаточно. Вот с радостными было сложнее...Но время такое было.

А ещё через неделю состоялась премьера пьесы «Богач – бедняк», которая была и генеральной репетицией. На неё мы позвали всех своих одноклассников со школы. Так что народу набилось много. Тем более, что пришли и учителя, которых позвал наш Палсэм, как его мы меж собою называли уважительно. А его замшу звали то Адша, то просто «селёдка», ха-ха.

Говорить наверное и не стоит, что был полный успех. И в конце Интернационал пели аж три раза стоя, как и положено. И артистов с Колобком вызывали «на бис» несколько раз, а потом принялись Колобка подбрасывать на руках. А затем и меня, вспомнив, кому пришла эта идея с театром.

А на другой день ко мне в школе подошла Катя и сказала, что папа её хотел бы со мною встретиться. Я конечно удивился, но согласился и мы сразу после уроков отправились к нему на завод. Оказывается Катя ему вчера вечером всё рассказала про наш театр, вернее про успех. О театре она и раньше ему говорила, и даже через него мы достали кое какой реквизит для сцены в цеху завода, а в столярке завода, из разных отходов нам наделали ружей для штурма зимнего. Спецэффектами, как называл Колобок сценические взрывы с дымом, мы сами занимались. Для пацана того времени найти пистолетный патрон и вытрясти из него порох, и вытащить капсулю было плёвым делом. А сделать дымовуху и шумиху вообще... как два пальца об...забор, ха-ха.

Пётр Петрович, как звали папу Кати, принял нас сразу и не ходя вокруг да около, сходу предложил поставить наш спектакль у них на заводе в клубе. Там есть зал на пятьсот мест.

Я конечно чего то такого ожидал и не стал делать вид, что удивился.

– Пётр Петрович, мы конечно для Вас и ваших рабочих, как наших шефов, с удовольствием сыграем ... и не раз..., – на слове «шефов» я сознательно сделал ударение и продолжил, – но...нам нужна ваша помощь..., – закончил я многозначительно.

– Дааа... а какая?, – удивился тот и добавил:

– Я...давеча... спрашивал Пал Семёныча...он ни о чём таком не говорил...

– И не скажет...наш Палсэм считает, что его должен обеспечивать районный отдел народного просвещения, куда он регулярно подаёт заявки, которые так же регулярно не выполняются, – одним предложением я выпалил то, что билось у меня в голове.

– И что там ... в этих заявках?, – уже по деловому спросил Катин папа.

– Да много чего... за заводские деньги вы всё сразу не сможете купить...но выход есть..., – предупредил я его разочарование и продолжил:

– Сколько стоит самый дешёвый билет в театр в Москве?

– Нууу...около 25 рублей... это на галёрке в бывшем государственном или в каком ни будь подвале экспериментального, – с пониманием в голосе тот ответил.

– Так вот...это знают и ваши работники... а Вы решите, когда лучше к ним обратится с просьбой скинутся интернату...до представления или после...на следующий день там, – внёс я предложение.

Катя сидела с широко открытыми глазами ртом от моего ... так скажем... практицизма.

– Дааа, Сергей...я в тебе не ошибся, когда решил поговорить о театре именно с тобою, – весело сказал Пётр Петрович и поднимаясь со своего кресла протянул мне руку для рукопожатия в честь заключения сделки, как это водилось до последнего времени в деловой среде в России.

Премьера нашей постановки на профессиональной сцене так же имела полный успех. В зале был аншлаг, ещё одно словечко Колобка, а по нашему «негде было яблоку упасть».

Первый пакет помощи от заводчан был ожидаемо воспринят Палсэмом «в штыки», но от решения Совета коммуны он не мог отмахнуться. Тем более, что там всё было с формулировками из последних постановлений СНК, ВЦИка и речей Ленина.

С тех пор Клуб завода стал нашей основной сценой, как сказал Колобок, а интернатовский зал стал сценой постановочной и репетиционной.

Постепенно была внедрена продажа билетов, как более прогрессивная мера перераспределения денежного эквивалента труда. Но и бесплатные приглашения составляли не менее четверти от мест в зале. Их распределение взял на себя Завком завода. Они знали кого нужно поощрить на самом заводе и вне... в том же райсовете Замоскворечья и даже в Моссовете.

Забегая наперёд скажу, что Катя, Никита и Колобок в последствии сделали карьеру ... нет... не в театре, а в кино, которое Владимир Ильич Ленин уже назвал «наиважнейшим из искусств». Катя и Никита долго играли вместе, а Колобок стал известным кинорежиссёром. Как тогда было принято, они взяли себе псевдонимы, и я только в середине тридцатых годов узнал их в известных всему СССР деятелях кино.

А сейчас... наконец все воспитанники нашего интерната приоделись и были полностью готовы к зиме.

Ручеёк денег от театра дал возможность значительно улучшить и наш рацион, а позднее и обновить постельные принадлежности, прежде всего матрасы и одеяла с подушками.

Летом был сделан ремонт и закуплена новая мебель. Но это я снова забежал вперёд.

Свою роль я с удовольствием передал Севе... у нашего воспитателя проснулся артист. Я был доволен.

Глава 6.

Незаметно наступил новый 1922 год...

Я с сожалением отметил для себя, что старорежимная новогодняя ёлка в купе с Дедом Морозом, которые новой властью были упразднены, так пока и не возродились. На мой внутренний порыв и тут быть первым и вернуть праздник детям и народу, «голос разума», как снедавна я стал называть своё «пятое чувство» или по научному – интуицию, подсказали мне не торопить события и лет так через 10 всё будет.

Но никто не запрещал мне тут брать на себя лишние обязательства, как например, к пятой годовщине Октябрьской Революции мы выпустили очередной спектакль, где я уже был просто помощником режиссёра или директором театра. Хотя Колобок утверждал, что в настоящем театре главным является худрук. Но так как у нас он любительский, то Колобок допускает, что в виде эксперимента, – он будет режиссёром-сценаристом, а я при нём завхозом.

Я на него не обижался, понимая его творческую душу и подбил на эксперимент, – выпустить к новому году, что здесь было простой сменой дат календаря, революционную версию трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Тем более, что согласно оригинала героям там было лет по 12-13. Почти как всем нам сейчас.

А всего то стоило переместить героев в наше бурное время, Ромео в семью революционного пролетария, а Джульетту в дочки к фабриканту-капиталисту.

И снова аншлаг и сенсация.

Нас даже упомянули в обзоре театральных постановок в «Московском рабочем». Правда немного в негативном ключе, «как увлечшихся буржуазной литературой недоучек, что и не удивительно, если мы все тут в интернате жертвы царского режима», в смысле дети-сироты. Сквозь строки читалась сухая формулировка из положения Деткома – «дефективные».

На общем собрании труппы нашего театра, разгневанный Колобок, потрясая скомканной газетой, назвал самого автора заметки «жертвой режима», а также «ретроградом», «царским сатрапом» и «душителем творчества революционных масс», а по итогу... мы направили в газету коллективное письмо с требованием «опровержения и немедленной чистки рядов сотрудников редакции».

Конечно, это меня всё волновало и захватывало...

Но это всё было не то... Я не оставлял надежды на организацию отряда по образу комсомольского. Но в РКСМ принимали с 16-ти лет и там была куча требований.

Из газет, я уже знал, что идея создания единой Детской коммунистической организации в Советской России уже появилась на II конгрессе Коммунистического интернационала молодёжи (КИМ), состоявшегося в июле 1921 года в Москве, и там была принята резолюция «О работе среди детей», которая призывала к организации детских коммунистических групп.

При исполкоме КИМ был создан комитет деткомдвижения, который координировал работу детских коммунистических организаций, проводил международные мероприятия в защиту прав детей. Была создана специальная комиссия по вопросам детского движения под руководством Надежды Константиновны Крупской – жены Ленина.

И тут мне попалась брошюра, которая пришла вместе с новыми поступлениями в фонд библиотеки.

Её написала сама Крупская, и называлась она «РКСМ и бойскаутизм», где она изложила свой взгляд на скаутское движение, его буржуазную сущность, но, в то же время и указала на возможность применения методов скаутской работы для создания Детской коммунистической организации.

Я с жадностью её просто «проглотил», в смысле прочёл.

Там всё было ясно и понятно.

И тут у меня в голове всё сложилось в одну стройную картину. Название члена такой организации – «пионер». С английского, что «пионер», что «скаут», переводится, как «разведчик». – А что? Звучит!, – согласился я с внутренним голосом. А значит и сама организация будет называться – Пионерской! Имени...?

Тут такое время, что всё или почти всё носило названия каких либо вождей...или событий.

И снова мне в голову пришло: «...имени Спартака». Тему о его восстании, как раз мы проходили в школе и все ребята просто в восторге от него. Расхватили все три книги о нём из библиотеки и чуть не подрались.

Восстание рабов в древнем Риме под предводительством гладиатора! То что надо!

Кстати, в 1918 году организатором революционных выступлений рабочих и солдат в Германии была группа «Спартак» и её руководителями были известные немецкие коммунисты Карл Либкнехт, Роза Люксембург и другие.

– Тогда и пионеров можно называть ещё и спартаковцами, – работала у меня мысль, а чей то голос в голове уже звонко напевал строчку походной песни пионеров: «...вперёд двигались отряды спартаковцев юных бойцов...»

Следом за этим моя мысль пошла в сторону атрибутики. Ну тут ничего сложного... Американские «пионеры», то есть первопроходцы дикого Запада все носили галстуки, и бойскауты тоже...зелёные. А у нас будут красные. Ничего сложного... наделать из кумача «тупых» равнобедренны трёхугольников и повязывать их под воротником. – Основание будет в 100 см., а стороны по 60 см., высота тупого угла 30 см., – появились у меня в голове его размеры, которые я тут же записал вслед за предыдущими мыслями.

Но галстук нужно заслужить, то есть стать пионером.

Следующим атрибутом будут значки и нашивки. Но это потом.

Теперь приветствие.

Сейчас развернулась борьба с босяцкой привычкой здороваться через пожатие рук. Главный аргумент – антисанитария и передача разных болезней таким путём.

Поэтому рекомендовали ограничиться простыми кивками или прикладыванием правой руки к козырьку фуражки или краю головного убора.

Почти как воинское отдание чести.

И тут меня осенило: – У пионеров будет салют! Приветствие взмахом правой руки с открытой сжатой ладонью и прикладыванием её ребром со стороны большого пальца к середине лба, – тут же я записал и попробовал.

– Ну ничего так...свободно выходит, – решил я.

А в голове появилась мысль о головном уборе – пилотке и о торжественных словах обращения к пионеру и его ответу. Например: «к борьбе за правое дело будь готов!» и ответ пионера: «всегда готов!»

Ответ будет на всё один и тот же, а вот обращения просто будут заканчиваться словами «будь готов». И снова чей то голос пропел строчку «...как Гагарин и Титов...». – Кто они такие?, – возник у меня тогда вопрос, но это я не стал записывать.

Дальше мне в голову пришла идея создать младшую коммунистическую детскую организацию для нашего «13-го отряда». – А то будут обижаться, если мы их к себе не примем, – решил я. А в голове уже созрело название «Октябрята», в честь Октябрьской Революции. От чего то её все называют октябрьской, хотя по новому стилю она случилась уже в ноябре.

У октябрят будет свой отличительный знак – значок в виде красной звезды с портретом маленького Ленина в середине. Уже есть такие открытки. Оказывается Ленин тоже был маленький, а не сразу с бородой. Ха-ха-ха.

Пока можно поручить малышне всем самим себе надеть таких значков из картона и разрисовать. А портретики маленького Володеньки есть тоже кому нарисовать на всех.

Над малышней вожатыми будут пионеры. А внутри... Октябрята будут разбиты на звёздочки... в идеале по пять человек, но для начала можно и по два-три, чтобы был соревновательный дух.

Кстати, и большая пионерская Дружина коммуны тоже будет разбита на отряды. Там будут выбирать себе командира, а те уже в свою очередь сформируют Совет Дружины, с секретарём и председателем. Но это уже детали... и скорее всего нам на эти должности «спустят» из райкома РКСМ Замоскворечья какого-то деятельного комсомольца.

– И откуда у меня это всё взялось... явно газет и брошюр перечитал, – решил я, но всё тщательно записал, чтобы на следующем собрании нашей коммуны озвучить.

Стоит ли говорить, что это было как взрыв.

Верно сказал наш вождь товарищ Ленин, что «идея, брошенная в массы и подхваченная ими, становится материальной».

Сева потащил меня напрямик в городской комитет РКСМ, где его все знали, как очень активного товарища.

Там мы пошли прямо к секретарю МК РКСМ товарищу Рогову. Тот нас с вниманием выслушал и сообщили, что мы очень вовремя. Так как 10 декабря прошлого года в секретариате Центрального комитета (ЦК) РКСМ обсуждался вопрос: «под чьим началом должна создаваться детская коммунистическая организация – комсомола или Наркомпроса?» Было решено, что это дело комсомола.

А 30 декабря на заседании научно-педагогической секции ГУСа было решено отказаться от попыток развития ДКД на базе скаутских организаций, но при этом указывалось на возможность использования скаутских методов в практической деятельности. Все вопросы по созданию организации были переданы РКСМ.

Также был поставлен вопрос... по примеру Западно-Европейских детских коммунистических групп... «о создании детского движения» через комсомол.

Тут же в кабинете у товарища Рогова оказался Иннокентий Николаевич Жуков – педагог и скульптор, он был одним из разработчиков и руководителей обновлённого скаутинга 1914-1917 годах, – как нам его представил товарищ Рогов. Он тоже подключился к нашей дискуссии по созданию новой детской организации, так как в своей поездке в декабре прошлого года из Читы в Москву он уже сделал ряд докладов о своём видении и о методах организации детского пролетарского движения на основе длительной игры.

Причём, само название «пионер» – предложено мною, ему очень понравилось, как и вся моя аргументация к нему.

Так же его поразила вся моя концепция и продуманность пионерского движения. Начиная с названия: «Пионерская организация имени Спартака» и второго названия её участников – «спартаковцами», и заканчивая всей атрибутикой, а особенно красный галстук.

Через неделю Московский комитет (МК) РКСМ провел совещание совместно с представителями левых скаутов столицы.

На нем было предложено сотрудничество в создании новой детской организации.

Тогда же было создано временное бюро по руководству данной работой в составе: секретарь МК РКСМ товарищ Рогов, представитель МК во Всеобуче товарищ Измайлов, бывший скаут-мастер Зорин и я, – Сергей Козырев, воспитанник 1-го коммунистического интерната Замоскворечья.

2 февраля 1922 года бюро ЦК РКСМ приняло циркуляр о детских группах, а 4 февраля бюро МК РКСМ приняло решение о создании первых пробных групп детей рабочих.

10 февраля секретариат ЦК РКСМ принял решение о необходимости произведения опытов с детской группой в Москве и в других промышленных городах.

А уже 12 февраля в Москве, в нашем 1-м коммунистическом интернате Замоскворечья имени третьего Интернационала состоялся первый в истории сбор детской коммунистической группы.

Его провел мой друг Валериан Зорин.

Вот так я, и наш интернат вошли в историю создания Пионерской организации.

Параллельно, была создана и организация маленьких Ленинцев – Октябрят, подрастающая смена их старших товарищей – Пионеров.

В апреле 1922 года была нами завершена работа по подготовке «Временного Устава детских коммунистических групп: «Пионерская коммунистическая организация имени Спартака».

В нем была определена структура групп, символика и внешняя форма пионеров.

В Уставе приводятся тексты Торжественного обещания и Законов.

С 16 по 19 мая 1922 года в Москве на II Всероссийской конференции РКСМ был рассмотрен и одобрен опыт работы московского комсомола по созданию детских коммунистических групп юных пионеров.

Решение II Всероссийской конференции РКСМ положило начало созданию пионерских отрядов во всех уголках нашей страны.

Началось распространение пионерского движения по всей Советской Республике.

А, 19 мая стал навсегда днём Пионерии.

Но это я снова забежал вперёд.

А пока меня назначили секретарём дружины пионерских отрядов нашей коммуны, а председателем стал товарищ Валериан Зорин.

Мы с ним сработались и подружились ещё на этапе обсуждения в рабочих группах. И дальше наша жизнь переплеталась. Но это было позже. А пока была детская взрослая игра в пионеров.

Я тут же провёл решение к началу лета охватить пионерским и октябрятским движением всех учеников нашей школы.

Всех захватила идея пионерского всеобуча. Появился новый действенный рычаг давления на нерадивых учеников и воспитанников.

Самым страшным стало, быть либо непринятым в октябрята и пионеры, либо затем исключённым.

Стали практиковаться такие понятия как «пионерское задание», «честное пионерское слово», «пионер – во всём пример» и так далее.

На этой волне я поднял на новый уровень выполнения своей общественной нагрузки – обучению иностранным языкам воспитанников коммуны и учеников нашей школы.

Я выявлял успевающих и прикреплял их к отстающим, давая таким образом «пионерское задание» поднять уровень подопечного.

Необычно проявили себя попытки подслушивать иностранцев. Рассматривая на собраниях секций языковых курсов записи подслушанных разговоров, я с интересом обнаружил их полезность.

Например, много разговоров касалось будущей конференции в Генуи.

Я как, библиотекарь, был обязан следить за поступлением не только книг в библиотечный фонд, но и периодики. И делать регулярно политинформацию на собраниях коммуны.

И конечно, я и все были в курсе предстоящей конференции. И то, что делегацию нашу возглавляет сам товарищ Ленин. По этому поводу я лично считал, что это лишнее.

И вот тут... в некоторых записка стали проскальзывать откровения иностранцев и я решил их суммировать.

«... стимулом для попытки решения русского вопроса является ... новая экономическая политика. ... новая экономическая политика в глазах Англии представляется в качестве отказа

Советского правительства от всякого социалистического строительства... агитируя в парламенте за англо-русский торговый договор, Ллойд-Джордж указывал, что революции рождаются от нужды и нищеты масс... помочь Советской России выбраться из ее плачевного экономического положения – это означало бы окончить период революционных потрясений в России и открыть период перехода Советского правительства на рельсы капиталистического развития... в августе 1921 года, в речи посвященной голоду в России, Ллойд-Джордж развивает картину проникновения в Россию английского торгового капитала, который должен ускорить возвращение России к нормальному капиталистическому хозяйству... невозможность справиться с политической и экономической разрухой, вызванной последствиями войны, принудила нас капиталистов к попытке разрубить узел на предстоящей Генуэзской конференции... где будет шанс даже устранить Ленина, если большевики упрутся...»

Ллойд-Джордж, как я знал, был сейчас премьер-министром Англии, как у нас Ленин был председателем Совета народных комиссаров (СНК).

– Значит, там будет покушение на Ленина, – кольнула меня мысль.

Следующий блок из подслушанных разговоров касался противоречий между Францией и Англией, как самыми главными капиталистическими державами.

«...опасность создания в лице Франции конкурента Англии в десять раз сильнее, чем была побежденная Германия... на Ближнем Востоке Франция всеми силами подрывает влияние Англии... Франция поддерживает возрождение Турции и, таким образом, угрожает уничтожить один из главных результатов войны для Англии – расчленение Турции... созданием подводного флота Франция угрожает морской безопасности Англии, и так уже отказавшейся от владычества на море на Вашингтонской конференции... Англия принуждена стремиться к усилению России, как континентальной силы, враждебной Франции... Англия хочет создать в России базу не только для экономического возрождения Германии, но и для политического и военного возрождения... это толкает Англию на признание Советского правительства и заключение мира с Россией... Англия пытается предварительно сговориться с Францией по всем спорным пунктам, она пытается создать новую Антанту на основе учета новых условий и новых противоречий...»

– Дааа...во дела... и что с этим делать?, – спросил я сам себя и тут же голос в голове ответил: «срочно передать в чека».

– Но кому?

– Там разберутся...просто иди на Лубянку..., – подсказала интуиция.

Глава 7.

Конечно же меня там просто послали...

– Тебе чего ...пацан?

– К товарищу Дзержинскому?

– А ну щас... как надеру уши... сопля наглая!, – сделал попытку дежурный на входе меня поймать.

Но я «калач тёртый» и только пятки мои сверкали, когда я убежал от дома, про который говорили: «раньше тут был рос-страх, а теперь тут рос-ужас».

Как я недавно узнал, это от того, что на фасаде этого здания была огромная надпись «Страховое общество Россия». А теперь надписи нет, но всем известно, что тут сидит ужасная ЧэКа.

Отбежав от опасного здания на приличное расстояние, я стал лихорадочно думать, что мне предпринять дальше.

Мысль идти с этим к Палсэму отпала сразу же. Наш директор был Педагог с большой буквы, но трусоват в общении с начальством и всякими там идейными. Он даже Севу с товарищем Надей побаивался... в вопросах, не связанных с обычным воспитанием детей. Ну, а сами Сева и Надя были пылкими и быстрыми, как тот фейерверк, – один пшик и всё. Шуму много, а толку мало. Ими самими нужно руководить. Тогда они на что-то способны. Например «проводить в жизнь решение кого-то». А инициатива напрочь отсутствовала.

И вот что мне делать?

– Пойти к Зорину, – всплыла очевидная мысль, и добавила: – сразу нужно было...

– Ехать не идти, – подумал я весело, запрыгивая на подножку мимо проходящего в нужную мне сторону трамвая.

И уже через полчаса я разыскивал в коридорах ЦК РКСМ своего друга Валериана. Да, друга... Он всего то на 8 лет меня старше, как и товарищ Шацкис, который в 15 лет уже стоял у истоков РКСМ.

Меня тут уже все знали.

За январь и февраль, пока работали над прообразом пионерии, я тут примелькался.

– Привет Серый, – первым начал Валериан, протягивая мне свою руку.

– Привет, – ответил я на приветствие, крепко её пожав.

– Каким ветром? Что-то решить в Дружине?... – спросил тот.

– Да неее... тут вот какое дело..., – начал я, оглядываясь вокруг.

– Аааа... секретное, – подмигнул мне Валериан, улыбнувшись, – ну тогда пойдём в Красную комнату, там сейчас никого, – и потянул меня за руку в её сторону.

Там действительно никого не было и я быстро изложил ему суть вопроса и конечно показал тексты разговоров.

– Молодцы... хорошая работа, – похвалил он меня, когда всё прочитал и тут же завалил вопросами:

– Это ты всё организовал? Сам? Без подсказки? Просто для тренировки в изучении языков? И сколько ты их сам знаешь? Пять?! Итальянский и испанский хуже... только начал их изучать?

– Ну ты и вундеркинд, – был его вердикт в конце.

– Да неее..., – отмахнулся я, – ещё не хватало... прилепится кличка... не отлепишь, – подумал я, а в голове голос возразил: – полиглот не лучше!

Но в слух сказал:

– Просто слежу за политической ситуацией в Италии... там к власти фашисты рвутся, а в Испании идёт пока парламентская борьба с коммунистами во главе, хоть там и там есть короли...

– Верно ты Сергей заметил, непростое сейчас время, – протянул задумчиво Валериан.

– Ну так что? Поможешь?, – спросил я его с надеждой.

– Конечно помогу. К самому товарищу Ленину идти с этим бесполезно... он отмахнётся, не читая, – раздумывал вслух Валериан и тут же хлопнул себе по лбу, воскликнув:

– Ну конечно же Сталин... к товарищу Сталину пойдём, его Владимир Ильич послушает.

С этим мы выскочили из Красной комнаты и через пять минут уже были в приёмной у Сталина, который, как оказалось, совсем недавно начал работать в этом же здании на Старой Площади в Секретариате ЦК РКПб.

– Мы к Иосифу Виссарионычу, – запросто сказал Валериан дежурному в приёмной и даже не дожидаясь кивка ворвался в кабинет.

– Здравствуйте товарищ Сталин, – весело поздоровался мой друг, за которым в кабинет пробрался и я.

Там за столом сидел усатый чернявый мужчина лет 50-ти и что-то в это время писал. И как только мы вошли, оторвался от дела и тут же ожог нас своим пристальным взглядом, как в прицел... Но разглядев Валериана и меня в красном галстуке, сменил свою серьёзность на заинтересованную весёлость, сказал:

– Ааа, какие люди... комсомол... проходи... садись, дарагой Валериан и... как тебя зовут парень? Ми раньше нэ встречались, – слегка прорезался акцент у хозяина кабинета.

– Это товарищ Сталин... мой друг... секретарь совета первой в Советской России пионерской дружины, Сергей Козырев, – представил Валериан меня товарищу Сталину.

Тот уже поднялся из-за стола и подошёл к нам вплотную, протягивая руку для приветствия.

Валериан пожал её как обычно, а я вначале отдал пионерский салют, чем удивил Иосифа Виссарионовича.

Затем сев все вместе за стол для заседаний я ему поведал причину нашего прихода.

Сталин вначале слушал сидя, а затем встал, подошёл к своему столу, взял курительную трубку и стал её набивать смятой папирсой.

Затем уже когда я закончил, он молча раскурил её и пару раз затянулся. После чего снова медленно подошёл к нам и спокойно заговорил:

– То что молодёжь беспокоится о жизни нашего вождя – товарища Ленина, више всяких похвал... Ми тут в ЦэКа тоже такого же мнения...но кто такие ми...и кто такие молодёжь, комсомольцы и ... пионэры, – при этом снова проявился акцент и Сталин взмахнул рукой с зажатой трубкой.

– Ви должны широко обсудить этот вопрос в своих коллективах и о решении оповестить все вышестоящие органы...как комсомола так и партийные...пишите нам в ЦэКа...пишите в Правду...

Затем он снова затянулся несколько раз и продолжил:

– А что касается подслушанных бесед ... то...как я знаю «пионер» ещё имеет значение как «разведчик»... и тогда вам нужно теснее держать контакт с органами ГПУ, которое недавно было выделено из упразднённого ЧэКа ..., – пояснил Сталин и снова пыхнул трубкой, пока мы переваривали сказанное им. Вернее, Валериан уже достал из недр своего английского френча блокнот и быстро в нём строчил химическим карандашом вслед за речью старшего товарища под одобрительным взглядом того.

– Так... срочно и мне такой нужен, – подумал я вначале про блокнот, а затем и про френч. Тем более, что похожий был и на хозяине кабинета. В моду у руководства входил полувоенный стиль, сменяя собою Ленинский в виде «пикейной тройки с кепкой» и комиссарский –

кожаный с неизменным «товарищем маузером». Сейчас одни шли в непманы и там уже господствовали клетчатые английские пиджаки и котелки с тростями, а другие были верны военной форме без знаков отличия.

Я решил держаться последних. Что-то мне в этом кабине чётко подсказало, что непманы долго не протянут.

А Сталин продолжал про ГПУ:

– Там есть один товарищ... хорошо зарекомендовал себя в работе со мною в Реввоенсовете Республики... Артузов его фамилия... я ему позвоню и он выпишет на вас пропуска...

На этом наше посещение закончилось, так как в дверь заглянул дежурный из приёмной и сказал:

– Товарищ Сталин... Вы просили напомнить о...

– Спасибо, мы уже закончили, – поблагодарил он того, недослушав.

А мы поняли, что нам пора.

Тепло распрощавшись, мы покинули кабинет Сталина.

Как только дверь за посетителями закрылась, Коба, как звали его друзья и он сам себя в мыслях, вернулся к своей работе.

Ничего срочного у него не было, но с дежурным он договорился, что в любом случае через десять минут после того, как к нему кто-то придёт, заглянуть в кабинет и произнести эту условную фразу.

Если посетители были не очень важные, то Сталин имел повод с ними безобидно распрощаться, сославшись на неотложное дело, а если наоборот... то повышал их значение в их собственных глазах, продолжая разговор с ними. Но таких было немного. Пока немного...

– Эх... не вовремя Старик начал хворать, – пробурчал себе он под нос по-грузински.

Стариком он называл Ленина, с которым долго был в близких дружеских отношениях, правомерно считая его своим Учителем, а себя его правой рукой.

– А этот молодой пострел везде успел, – пронеслась у него в голове следующая мысль и он окончательно отвлёкся от своей работы и стал думать о своих последних посетителях:

– Верно ребята рассчитали... все бы от них отмахнулись... даже Старик ничего слушать не хочет и хочет самолично «дать бой в Генуи», как он сам выражается...

– Только я смогу его убедить не ехать... там и без него найдётся кому озвучить нашу позицию... Чичерин и Литвинов себя вполне дополняют...

– Чичерин больше демагог и переговорит всех там и самого Пуанкаре, не говоря о Ллойде...

– А Литвинов разобьёт все доводы Антанты своими сухими выкладками, подкреплёнными цифрами и документами

– А по дороге туда... в Берлине они подпишут Германо-Российское торговое соглашение и соглашение о взаимном признании... и отказ от репараций и других взаимных претензий...

– Хотя Литвинов настаивает на английском приоритете в этих делах...

– Да оно и понятно... он там долго жил... дружки его в руководстве новой лейбористской партии, которой прочат большое будущее и которая сменит либеральную Ллойд-Джорджа, да и жена молодая англичанка...

– Но ничего... пусть пока пыль в глаза там пускают... пока я тут буду укрепляться...

– «Уговорили» меня на свою голову принять новую должность генерального секретаря ЦК... и свалили всю бумажную работу и подготовку к XI съезду партии...

– Нет... говорите... по Уставу у нас главы Партии... ошибаетесь... товарищи... теперь будет... ха-ха-ха

Тут он снова вернулся к размышлениям над молодыми соратниками:

– Ну с Валерианом Зориным всё понятно... не наигрался в детстве в скаутов...

Сталин сам внимательно недавно прочёл все по этой теме и был в курсе кто такие скауты и как из них сделали пионеров.

Он тогда вспомнил и свои детские игры типа «казаков-разбойников», как он руководил ватагой малышни в своё родном Гори. Как они носились по его окрестностям, делились на команды, выбирали себе вожаков...интересно было...

– Ну что...может получится...с этой пионерией...

– Главное, чтобы над ними был крепкий руководитель...нужно будет подключится к этому...

– А то комсомол мне совсем не нравится...

– Скопировали себе структуру Партии...даже названия не особо отличаются... Тоже есть свои ЦК и секретари и такие же секретари на местах...

– Большим хитрецом оказался этот товарищ Шацкис...

– Сам в тени...просто член ЦК РКСМ...но он там всем заправляет...

– Это, по его мнению, что получается?...как только секретарь комсомола станет членом Партии, то может тут же претендовать на кресло секретаря парторганизации того же уровня? Например, даже ЦК?

– Шалишь...товарищ Шацкис... не всё так просто...

– В «ставку к Духонину» ты пересядешь, а не в члены ЦК Партии...

«Ставкой Духонина» со времён известных событий стали называть расстрел и Сталин и другие прошедшие гражданскую часто пользовались этим термином и сейчас.

– А этот пионер, как его...Сергей Козырев...тоже секретарь совета пионерской Дружины...но на карьериста не похож...ребёнок ещё...им это нравится...эти игры взрослых..., – усмехнулся в усы Сталин и вернулся к работе.

Как только мы выскочили из приёмной товарища Сталина в коридор, Валериан обратился ко мне:

– Так, Серый... у меня дела...дальше сам, – проговорил он озабоченно, протягивая мне два исписанных листика из своего блокнота.

Я их спрятал в карман брюк и поблагодарив друга за помощь, снова направился на Лубянку.

– Ты только там опять не ломись в центральный вход...там с боку есть приёмная для граждан и там же бюро пропусков, – напутствовал в конце меня Валериан, что подсказало мне «...он там бывал».

Так всё и было и через час я уже разговаривал с товарищем Артузовым.

Это был чернявый, бородато-усатый весельчак лет тридцати. И если бы не его невысокий рост, то сошёл бы за Донкихота, как его изображают в книгах.

В глазах его играла и хитринка и серьёзность одновременно.

Он меня внимательно выслушал и с ещё большим вниманием прочёл мои записи. Сталин, кстати, не стал их читать. Что говорило прежде всего о широте охвата задачи – жизнь Ленина.

А тут, в стенах ИнО ГПУ НКВД, то есть иностранного отдела государственного политического управления народного комиссариата внутренних дел, важны были любые мелочи.

На последовавшие вопросы:

– Кто конкретно подслушал и записал тот или иной разговор? Где это было? Как выглядели иностранцы это говорившие? и наконец – Давал нам кто ни будь такое задание?, – я вынужден был ответить «не знаю» и «нет».

Но тем не менее, товарищ Артузов меня похвалил и просто посоветовал впредь всё это иметь ввиду и продолжать эту работу с учётом этого.

Тут же мне было предложено стать секретным сотрудником ИнО ГПУ, на что я с удовольствием согласился, подписав необходимые бумаги.

Так же, как и все сотрудники НКВД, я прошёл фотосъёмку во всех ракурсах и дактилоскопию. Так же мне было обещано выдать удостоверение с моим фото. Но в нём я буду значиться, как «добровольный помощник милиции». Но меня товарищ Артузов заверил, что «там где надо»... при предъявлении его... будут в курсе с кем имеют дело. А так для всех... я простой активист, как и положено быть пионеру.

По этому удостоверению я смогу без пропуска проходить в здание ГПУ. Посещать столовую для сотрудников на первом этаже, для чего мне выдадут талоны на месяц. Так же я смогу посещать Финчасть, где меня возьмут на довольствие и буду его выдавать. Пока это те же талоны в столовую и зарплата СекСота в размере партминимума в 40 рублей в месяц. Позже будет форма, обувь, дополнительные пайки. Но об этом меня будут оповещать в Финчасти. Так же мне вменяется сдавать каждую неделю отчёт о проделанной работе, которая и будет заключаться в докладе обо всём подозрительном. И не только из подслушанных разговоров иностранцев.

Конечно, от всего услышанного у меня поднялась тёмная волна неприятия стукачества, основанная почти на четырёх годах беспризорной жизни бок о бок с преступным миром, где за это наступала быстрая расправа. Но другой голос мне толковал, что с прошлой жизнью я покончил, а обычный гражданин просто по закону обязан заниматься доносительством, а тем более пионер, в будущем комсомолец. Тем более, что никто ему тут не говорит, что нужно за своими товарищами следить. Просто подмечать безобразия например.

Так же по этому удостоверению меня будут пускать в ИнО и к самому Артузову. Но лучше перед своим визитом всё же позвонить по телефону, указанному на карточке, что мне вручили и где было написано «Прачечная на Пресне».

– Да...там так и будут отвечать...а ты должен им сказать: добавочный А102, – ответил на моё недоумение Артур Христианович, как звали Артузова.

Кстати, гораздо позже я узнал, что в данный момент Артузов трудился замом особого отдела ВЧК-ГПУ, позже преобразованного в Контрразведывательный отдел (КРО) Секретно-оперативного управления (СОУ), где он уже будет начальником.

И то... это не точно. Спецслужбы на этом и стоят!

Затем Артузов посоветовал мне сходить и в НКВД – наркомат иностранных дел, тут рядом, на Большой Лубянке. Найти там товарища Литвинова.

– Я ему сейчас позвоню и предупрежу...постарайся Серёжа ему понравится... я ему расскажу о твоих успехах в языках, – напутствовал меня Артузов.

Глава 8.

Проводив за дверь завербованного только что нового внештатного сотрудника, Артур вернулся на своё рабочее место и задумался:

- Хорошая это будет организация – пионерская...
- Дисциплина военная, как и иерархия... лучше, чем комсомол со своим карьеризмом... те плохо могут кончить...
- Подаю ка я идею Феликсу Эдмундовичу помочь пионерам... за счёт имущества сокращаемой армии...
- Что тут этот Сергей говорил про лето...
- Что выезжают они интернатом в деревню и там живут, кто в палатка, а кто вообще в заброшенных барских сараях...
- Вот и поможем всем пионерам по стране... снабдим и палатками и кухнями полевыми и повозками... и передадим часть конского состава... пусть уже с детства учатся ухаживать за главной... пока... движущей силой в армии...
- А там рядом с ними и brave отставники... герои гражданской... место себе найдут... будут науку военную передавать...
- Да и с помещениями тоже надо помочь под эти их Дома пионеров...
- И игру им военную можно придумать... что-то приходило из ЦК РКСМ по поводу этих пионеров уже... на коллегии говорили...
- Да и как источник кадров... вот пример... сам пришёл... когда такое было?
- А теперь пойдут... хорошее дело... эта пионерия, – завершил свои раздумья Артур и вернулся к разработке операции по внедрению агентов в ряды подполья монархистов и эсэров.

Выйдя от товарища Артузова, я вначале посетил Финчасть, куда занёс папку со своим пока тонким Делом и получил там аванс в 20 рублей и талоны в столовую аж 90 штук. «Завтрак, обед и ужин на 30 дней», – как мне подсказали и предупредили, чтобы я их не потерял. Они были разрезаны на листки по 10 штук на лист и легко поместились у меня в нагрудном кармане, который закрывался на крючок.

Затем я отправился поужинать, так как дело шло к шести часам вечера и если мне сейчас идти в НКВД, то на ужин в интернат я не успею. А оставлять еду опоздавшим у нас не было принято, если ты об этом не предупреждал заранее с указанием уважительной причина. Так вырабатывалась дисциплина, точность и пунктуальность у воспитанников, а следовательно моя порция просто уйдёт на добавку самому худому малышу. Да и вообще, если есть где питаться вне интерната, то так и буду делать, решил я, увидев местное изобилие.

Для меня и не только для меня в это голодное время изобилием было наличие например хорошего куска хлеба и миски горячей похлёбки и стакана чая, даже морковного, с куском сахара.

Кстати, Артузов меня напоил чаем с двумя хорошими кусками сахара, один из которых я незаметно спрятал в карман, чтобы отдать товарищам. Так же я прихватил один из трёх сухарей, что были мне предложены к чаю. Один я съел, один положил в карман, а один оставил... такой порядок... последнее брать взападло.

Так вот... тут в столовой, отдав на входе талон, я оказывался у раздачи... где взял поднос, как это делали другие и стал на него ставить тарелки с едой, беря их с прилавка.

Там была квашенная капуста и солёные огурцы, на выбор было две каши, одна перловая, другая овсяная. В неё повар вливал пол черпака тёмной густой жидкости с какими то кусоч-

ками. Поясняя, что это мясо с подливой. Но больше всего меня повергли в шок стоящие в конце раздачи подносы с нарезанным чёрным и белым хлебом. Пока я на них смотрел, повар спросил у меня:

– Паря...ты чай то будешь?

Я кивнул.

– Ну тогда бери вон стакан и рядом сахар. Стакан давай сюда...налью...и бери блюдце...если из него уважаешь, – подмигнул он мне, наливая черпаком горячую, чуть коричневую жидкость в поставленный мною перед ним стакан.

И вот с подносом я продвинулся к этим горам хлеба и не знал, что делать.

Вздыхнув, взял один кусочек чёрного, и один белого. Последний я уже и не помнил когда ел в последний раз.

И с подносом поплёлся в глубь зала столовой. Столиков свободных было полно. Именно столиков со стульчиками, а не как у нас... длинных столов с лавочками.

Голод не тётка... и я, заняв один полностью свободный, быстро расправился со своим ужином и побежал на выход из грозного «рос-ужаса».

Кстати, мясо оказалось великолепным...хоть и мало.

У нас в интернате и в школе на обед тоже иногда мясо было. Но это была в основном конина...весьма жёсткая. А тут...либо не конина, либо просто хорошо приготовлена.

До здания Наркоминдела на Большой Лубянке было рукой подать. Даже не зная точного адреса улица ул. Большая Лубянка 5 не ошибёшься. На углу Кузнечного высилось оно на все свои шесть этажей, что для малоэтажной в основном Москвы было много.

Но там прямо на входе меня огорчили тем, что товарищ Литвинов как раз уехал... и скорее всего домой и даже дали адрес Софийская набережная 14. Там двухэтажный особняк для приёма делегаций.

– Делать нечего...поеду, – решил я, запрыгивая на подножку трамвая, проходящего мимо в том направлении.

И уже через пол часа стучался в дверь квартиры, которую занимала семья Литвинова.

Даже не спросив «кто там?», дверь широко распахнулась и на меня налетел вихрь их двух малышей лет по пять и молоденькой девицы, кричащих «папа, папа».

Но увидев, что это совсем не папа, тут же стушевались и спрятались за маму или няню... пока мне не ясно кем им приходилась эта девушка лет 25-30-ти.

– Вам кого, – с заметным акцентом спросила она.

– Я к товарищу Литвинову, – ответил я спокойно.

– Оу, есс, это квартира Литфиноф, – девушка подтвердила, частично на английском.

– А он дома?, – продолжил я дознание.

– Ноу, то есть нет...но Вы проходить пожалуйста, – пригласила она меня.

Я не стал себя долго упрашивать и вошёл. Тут же в прихожей снял шапку и пальто, повесив их на вешалку... и стянул свои ботинки... поблагодарив мысленно себя за предусмотрительность, что одел чистые и заштопанные носки без дыр.

Дети уже осмелели и вышли из-за спины своей защитницы.

Затем мы все вместо прошли в гостиную, если так можно назвать довольно небольшую комнату с обеденным столом и большим диваном.

Там все вместе и расположились. Дети на диване, а мы сели за стол. Пока в полном молчании.

Я решил растопить этот лёд и начал первым:

– Меня зовут Сергей, я пионер, – при этом указал на свой красный галстук, который и так уже привлёк их внимание.

– Ааа, это есть красный бойскаут, – по своему перевела девушка и тоже представилась:

– Ай эм...я есть Айви... миссис...то есть жена Литвинов...

– А это чилдренс... наш дети Миша и Танья...

Дети при этом встали с дивана. Девочка сделала смешной книксен, а мальчик подошёл ко мне с протянутой для пожатия рукой.

Я тоже поднялся с места, и отдав пионерский салют, поздоровался с ним за руку.

И тут снова открылась входная дверь в неё вошёл коренастый мужчина в тёмном длинном пальто, в очках и шляпе.

Дети снова радостно побежали его встречать, а Айви просто встала со стула и улыбалась ему.

Я так понял, что это и сеть товарищ Литвинов.

Когда он вошёл в комнату, я ему тоже представился и отдал салют.

– Аааа, новые скауты, – проговорил он, пожимая мне руку.

– Айви, ты чего гостю не предложила хоть чаю?, – обратился он к жене.

Та засмушалась и ничего не ответила.

– Никак не может привыкнуть, что у нас пьют чай не только в «ти тайм» или «файв о'clock», – рассмеялся товарищ Литвинов слегка приобняв супругу и добавил, обращаясь к ней:

– Ну ничего... ты Айви пока приготовь нам что-то на стол, пока мы Сергеем у меня в кабинете поговорим...

С этими словами мы перешли в кабинет. Тоже крохотная комнатка, но с рабочим столом, диваном и шкафом для папок и книг. И конечно встроенный в стену сейф. У меня тут же мелькнула мысль, что взлезть сюда и вскрыть его пара пустяков. Второй этаж, форточка только прикрыта и незалочена...

– Нуссс, молодой человек, что Вас привело в неурочный час ко мне домой?, – задал уже серьёзно вопрос хозяин дома.

– Я от Артузова, – ответил ему.

– И что Артур Христианович хотел мне передать?

Тут я понял, что Артузов не дозвонился до него и я просто рассказал товарищу Литвинову в четвёртый раз за день свою историю «с записями разговоров иностранцев».

Должен сказать, что в этот раз она была уже более лаконичная и выверенная, чем в первые разы.

Литвинов тоже внимательно меня выслушал и довольно долго вчитывался в записи.

Я так же добавил, что об этом знают, кроме товарища Артузова, товарищи Зорин из ЦК РКСМ и товарищ Сталин. При упоминании последнего как мне показалось Литвинов немного изменил положение головы...но может мне показалось.

– Сергей, я оставляю это у себя, – утвердительно-вопросительно он сказал в конце читки записей и кивнул на них.

– Да ... конечно, – согласился я.

– А теперь расскажи мне о твоей инициативе изучать иностранные языки, – обратился ко мне Максим Максимыч, как он попросил меня его называть.

После упоминания о моём знании нескольких языков, Максим Максимыч внезапно заговорил со мною на французском. У него был смешной акцент. Я ему ответил. Затем он перешёл на немецкий, довольно правильный, но всё равно с заметным для меня акцентом. Я ему снова ответил. А вот на английском, как по мне, он говорил как настоящий англичанин, которых я знал. Та же моя нянька.

И когда я ему отвечал, от двери послышался приятный голос Айви, которая на английском приглашала нас к столу.

Чайовничая, товарищ Литвинов похвалил меня и моих учителей. Я ему естественно ничего про своё детство не сказал.

– У тебя очень хороший английский...как будто ты жил в Сохо...это респектабельный район Лондона, – похвалила и Айви.

– Да, я заметил, – подтвердил товарищ Литвинов, – от англичанина не отличишь...обычно иностранцы...даже очень хорошо говорящие на английском имею так называемый кембриджский говор...очень классический.

– Да и французский у тебя скорее эльзасского типа..., – продолжил Максим Максимыч, – где чувствуется влияние немцев...

– А вот твой немецкий напротив... сто процентный остзейский, так говорят немцы из Прибалтики, – пояснил товарищ Литвинов и добавил:

– Но это даже лучше, чем хохдойч...легче пояснить незнание немецких обычаев и реалий при исполнении различных миссий...тайных конечно...

Я естественно, отнекивался и говорил, что самоучка и в качестве примера привёл то, что сейчас самостоятельно изучаю итальянский и испанский языки, так как считаю, что скоро и там произойдут пролетарские революции и нужно будет прийти им на помощь.

Вызвав этим заявлением смех у Максим Максимыча:

– Скоро от них самих тут протолкнутся нельзя будет...как победим их на предстоящей конференции...как миленькие прибегут к нам торговать, – пояснил он.

Потом он вкратце рассказал про эту самую конференцию и заверил меня, что Ленина никто туда и не пустил бы из них всех в ЦК. Но почин наш верный и товарищ Сталин правильно нас направил.

Затем, снова заговорив о международном положении, товарищ Литвинов посоветовал мне начать изучать китайский и японский языки. Именно там, по его мнению, в ближайшее время будут происходить все самые значимые события.

Он указал на огромность тех территорий и многочисленность там живущего населения. И на то, что там сбросили власть императора в Китае ещё в 1910 году, и у них у власти коалиционное правительство с коммунистами в составе.

А в Японии хоть и есть император, но он как божество, ничего не решает. И что даже один из принцев вступил в ряды компартии Японии, которая совсем недавно образовалась.

Затем я рассказал про нашу коммуны, про театр и пригласил их всех в гости.

Айви и дети очень обрадовались приглашению и обещали прийти. Тем более, что тут совсем недалеко до Большой Калужской...пол часа на трамвае.

Максим Максимыч не обещал...ввиду занятости...но приглашал меня к нему заглядывать.

Тем более, что его заинтересовали сведения, что мы могли бы собирать.

– Эх, жаль что тебе всего двенадцать лет Сергей...хоть и выглядишь ты на все пятнадцать..., – сокрушался Максим Максимыч, провожая меня до трамвая, – а то бы взял бы тебя к себе Наркомаг.

– На трёх сотрудников...только один со знанием языка, за то все при орденах и похвальных характеристиках...можно подумать это они за них будут говорить с иностранцами, – пояснил он свою печаль.

На том и расстались.

Вернувшись домой, Литвинов обнаружил, что жена пошла укладывать детей спать. Тогда он направился в свой кабинет.

Там он ещё раз прочёл записи Сергея и окончательно уверился в их подлинности. Это не было похоже на игру иностранной или нашей разведки.

Да и смысл... Повлиять на его позицию?

Он задумался и ещё раз проанализировал все последние события.

В октябре прошлого 1921-го года его вызвали из Таллина и назначили заместителем Чичерина – наркома по иностранным делам.

Чичерин осуществляет общее руководство всей дипломатической деятельностью. Но так же курирует восточные и протокольный отделы.

А на него возложена организационная работа в НКВДе и руководство европейскими отделами.

Но строгого разделения нет...

Такой важный отдел, как экономико-правовой, подчинялся и Чичерину, и ему одновременно.

Максим Максимович вспомнил, сколько он времени отдавал консульскому отделу, отделу дипкурьеров, да и переписка в НКВДе шла через него.

Но особое внимание он конечно уделял европейским делам.

Установление дипломатических и экономических отношений с европейскими странами он считал делом особой важности.

Здесь он применял свой опыт, накопленный за годы эмиграции, и использовал уже налаженные контакты.

Он имел тесные связи с европейским рабочим движением, в течение нескольких лет представляя ЦК РСДРП в органах II Интернационала.

Был хорошо знаком с его лидерами, которые сейчас заняли крупные государственные посты в своих странах.

Теперь он мог в интересах дела использовать свое близкое знакомство со многими политическими деятелями Запада.

А что с Чичериным?

По сути, они лишь в 1921 году впервые стали работать вместе... на одном и том же участке.

Прежние их контакты носили случайный характер.

Все встречи в Лондоне, в «Герценовском кружке», на вечерах и публичных диспутах, а потом совместная работа в комиссии по репатриации российских эмигрантов происходили в иной обстановке.

К тому же... они попали в революцию по разному...

Чичерин из родовитой, состоятельной дворянской семьи. Получил блестящее образование, отказался от карьеры дипломата, от положения в высшем обществе.

Таких было много среди революционеров. Это он знал. Тот же Ленин, дворянин, юрист, адвокат.

Путь самого Литвинова к Октябрю был другим...

Когда он впервые встретили в Лондоне Чичерина, тот еще был меньшевиком. А Литвинов секретарь большевистской группы.

У большевиков с меньшевиками разные взгляды на методы борьбы и на развитие революции.

Империалистическая все расставила на свои места.

Многие... в том числе и Чичерин... перешли на большевистские позиции... это абсолютно закономерно.

Об этом говорит и его нынешнее служение делу Октября.

То, что Чичерин был наркомом, а он его заместителем, ни в коей мере не значило, что он ему абсолютно подчинялся. Он считали себя взаимно эквивалентным с Чичериным.

Еще в Лондоне они обозначили свои позиции.

Конечно, они были разные люди по стилю...

Да и внешне они были полной противоположностью.

Литвинов казался себе более сухим, а Чичерин всегда более эмоциональным. Хотя наружность далеко не соответствует их внутреннему состоянию.

Конечно, у них бывают споры, разногласия...

Важнее другое, что они, будучи дипломатами Советской России, с самого начала заставили наших противников уважать свою страну и советскую дипломатию, ленинские принципы внешней политики.

В 1922 году им предстоит решить труднейшую историческую задачу: расколоть антисоветский фронт.

События этого года развивались стремительно...

Сразу же после нового года, 6 января, Антанта на конференции в Каннах приняла решение о созыве в Генуе международной экономической конференции, а 7 января мы получили приглашение принять участие в ней.

Вспоминал Литвинов недавние события...

Приглашение нас в Геную не было случайностью.

Вооруженные походы Антанты против нас окончились провалом, а пятилетний период непризнания, отсутствие экономических связей с нами нанесли ощутимый удар по европейской и мировой экономике.

Англия почувствовала это сильнее и раньше других...

Она всегда вела оживленную торговлю с Россией.

И не случайно ее премьер-министр Ллойд Джордж ещё в 1920 году заставил Антанту снять блокаду России и пригласил советскую делегацию в Лондон. Но подготовленное летом 1920 года торговое соглашение с нами так и не было подписано...

В это время развернулось наступление Красной Армии на польском фронте... Англия прервала переговоры, пытаясь таким образом оказать давление на нас. Но вот... когда наконец в марте прошлого 1921 года соглашение таки было заключено, то нас... Советскую Россию признали де-факто.

За Англией последовали другие государства.

В мае 1921 года торговое соглашение с нами подписала Германия, в сентябре – Норвегия, в декабре – Австрия и Италия.

В тот же день 7 января нам стало известно, что в Геную приглашена и побежденная Германия.

Смысл этого тоже был ясен: Англия стремится противопоставить поверженную Германию Франции, которая начала играть роль гегемона в Европе, что наносит ущерб английским интересам.

– Это, кстати, и подтверждается записями Сергея, – с удовлетворением отметил Литвинов.

К предложению прибыть в Геную наше руководство отнеслось положительно.

Первый пункт резолюции, принятой Антантой в Каннах, гласил, что «нации не могут присваивать себе права диктовать другим нациям принципы, на основе которых те должны организовывать строй своей внутренней жизни и образ правления, а каждая страна имеет право использовать ту систему, которую она предпочитает».

Это была хорошая база для диалога.

Политбюро поручило многим крупным советским деятелям и дипломатам изложить в письменной форме свои предложения «о позиции советской делегации в Генуе».

Докладные записки представили члены правительственной делегации: Чичерин, он сам Литвинов, Рудзутак, Красин, Боровский, Иоффе.

Литвинов в своей докладной записке оговорил, что по «недостатку места» не высказывает своих соображений относительно вариантов исхода конференции в Генуе... и как они могут отразиться на... Советской власти внутри страны и на рабочем движении в мире и Европе.

– От греха подальше и от лишнего словоблудия, только реалполитик, – как он тогда про себя решил.

Но он сразу же констатировал там, что «соглашение на почве каннских резолюций может подготовить почву для признания РСФСР де-юре».

Далее он изложил ситуации, могущие возникнуть в том или ином случае исхода конференции...

Изложил примерную программу деятельности советской делегации и внёс свои предложения...

Указав отдельно, что признание нас со стороны хотя бы некоторых государств значительно уменьшит шансы весенней или летней интервенции против нас.

Он также указал, что не верит в агрессию против нас...

Но даже если такая интервенция была бы объективно возможна...

То даже непризнание нас не поможет Франции оказывать большую помощь Польше, Финляндии и Румынии в интервенции против нас.

Так же он рассмотрел вероятность, что «Англия может оказать помощь России в незначительных размерах», в случае полного разлада между ней и Францией...

В докладной он сделал ряд прогнозов:

– Надежды на внешние займы маловероятны.

– Если бы европейским правительствам и удалось собрать капитал, хотя бы ничтожную сумму в 20 миллионов фунтов, это неизбежно привело бы к международному контролю и опеке над Россией и воссозданию единого империалистического фронта.

– В тоже время, признание нас расчистило бы путь частным фирмам и предприятиям.

– Но кредиты влияния не окажут на разрешение продовольственных затруднений текущего 1922 года.

– Неудача конференции... замедлит наше признание и открытие частного кредита... временно сколотит антисоветскую коалицию... но вряд ли надолго.

– Промышленный кризис... безработица заставят выйти из кольца блокады и заключить с нами сепаратные соглашения Швецию, Норвегию и возможно другие страны, а в случае нашей настойчивости... они признают нас.

– На этот путь станет Англия, а затем – Италия, если будут продолжаться англо-французские разногласия.

В докладной он развеял опасения и скепсис многих в Политбюро, указав:

– Никакой катастрофы срыв переговоров в Генуе не означает.

– Соответственно с этим выводом... стремясь к возложению ответственности за возможный срыв переговоров на противную сторону... делегация должна устанавливать свою тактику и пределы уступок...

– Мы приветствуем и безоговорочно принимаем первый пункт Каннской резолюции «о неприкосновенности системы собственного хозяйства и правления, устанавливаемой самостоятельно каждой страной».

– Как на основу возможного соглашения... на этот пункт нам и следует напирать.

Пункт второй мы должны толковать, как относящийся к будущим договорам с РСФСР.

– Мы должны заверить, что будем с этого времени чтить нерушимо привозимые иностранцами капиталы, их имущество будет неприкосновенно.

Так же Литвинов предостерёг и указал:

– Ни при каких... не соглашаться на денационализацию... Это требование противоречит пункту каннской резолюции.

– так как вероятность срыва конференции, в самом начале, высока, то следует сразу заявить... хотя бы вкратце... свою аргументацию по всем вопросам:

отказ от уплаты долгов,

наш выход из европейской войны,

наши контрпретензии,

восстановление хозяйства Европы.

Пояснив при этом, что по общеевропейским вопросам восстановление возможно только:

- при взаимном аннулировании всех долгов и претензий,
- при военном и морском разоружении,
- при стабилизации валют путем перераспределения запасов золота между всеми странами Европы и Америки в довоенной пропорции.

Такое можно сделать на основании долгосрочного кредита, всеобщей частичной девальвации бумажных денег в обедневших странах и уничтожении искусственных политических преград, препятствующих коммерческим связям и товарообороту.

Тут он указал, что это не коммунистическая пропаганда, а экстренные меры, допускаемые в пределах капитализма многими буржуазными учеными.

А на частичное разоружение мы идём при условии пропорционального разоружения других стран... с учетом длины границы и населения.

Помимо возмещения за убытки от гражданской войны и интервенции... мы требуем... из общей суммы репараций в 132 миллиарда золотых марок, наложенных союзниками по Версальскому договору на бедную Германию, выделить нам, по числу убитых и раненых, – 35 миллиардов золотых марок.

Их мы ставим союзникам в уплату наших военных долгов, – если не хватит других наших контрпретензий...

Мы поддерживаем нейтральные страны против Антанты... независимо от соглашения с Германией... в вопросах о репарациях, в изменении Версальского, Сен-Жерменского и других французских договоров...

Свою программу Литвинов завершил ясным заключением:

«В европейских вопросах ориентируемся на Англию...»

Аргументация:

– Франция – крупнейшая европейская держава, ведёт жесткую антисоветскую политику, а ее союзники представляют авангард и резерв возможной интервенции против нас,

– в тоже время, влиятельные круги английской буржуазии стремятся к торговле и к экономическим связям с нами, а Ллойд Джордж готов пойти на установление с нами дипломатических отношений,

– и самое главное! – английский рабочий класс активно выступал против интервенции в России.

Последний спорный аргумент и ссылку на «огромное значение связей Советской России с измученным германским народом и возможное соглашение с Германией», Литвинову пришлось указать, зная мнение Ленина по этим вопросам.

Так как ещё в январе Ленин написал короткое письмо членам Политбюро в своём стиле: «Не открыть ли сейчас же личные и негласные переговоры в Берлине и Москве с немцами о контакте нашем и ихнем в Генуе?... Не предложить ли тотчас тайно всем полпредам позондировать почву у соответствующих правительств, не согласны ли те начать с нами неофициальные секретные переговоры об общей линии в Генуе?»

– И вот... как тут не верить всем этим разговорам, о «немецком золоте на революцию и о Ленине – немецком шпионе»? – подумал Литвинов.

– А еще ратовали против тайной дипломатии... предали гласности всю тайную переписку царского правительства и Керенского..., – вздохнул он.

Потом он снова вернулся к мыслям о Сергее:

– Да... молодец... и если наладит дело с этими записями разговоров... вообще хорошо... будет ещё один альтернативный источник информации для анализа.

Глава 9.

На следующий день, я после уроков собрал Совет интерната и там поставил вопрос «о невозможности отпускать Владимира Ильича Ленина в логово империалистов, так как они пойдут на всё, чтобы лишить мировой пролетариат его Великого Вождя». Все конечно были в курсе предстоящей конференции в Генуе и того факта, что нашу делегацию на неё возглавил лично Ленин.

Поэтому я просто озвучил те мысли, которые и так бурлили в умах всех честных граждан Советской России.

Проголосовали за решение единогласно.

Взяв его, я направился к Валериану, согласовать окончательный текст и уже его выносить на голосование в Совете пионерской Дружины... вначале интерната, а затем и школы.

На Старой площади я его не нашёл и уже собирался уходить, как встретил товарища Сталина.

– Аааа, товарищ Козырев, – он мне обрадовался.

– Здравствуйте товарищ Сталин, – вежливо я поздоровался и отдал ему пионерский салют.

– Послушай, Сэргэй, я собирался чаю попить...не люблю одын...составишь мне компанию?, – взяв меня под руку спросил он.

Я согласно кивнул и мы пошли к нему в кабинет.

Ожидая заказанного чая, мы вели неспешную беседу.

Вернее, я рассказал, как я побывал у товарища Артузова и как он направил меня к товарищу Литвинову.

О своём вступлении в «добровольные помощники милиции» я не стал говорить. Вовремя вспомнив о подписке, которую там оставил.

– Ну и как к тебе отнёсся наш уважаемый зам наркоминдел?, – с хитринкой спросил Сталин.

– Да ничего себе такой дядька, – искренне я ответил и добавил:

– Семья у него хорошая, молодая жена и двое маленьких детей....

Сталин вствил реплику: «как у меня», а я продолжал:

–...квартирка небольшая, но уютная. Похвалили меня за мои языки ... а товарищ Литвинов посоветовал начать изучать китайский и японский, там, по его мнению, будут скоро развиваться бурно мировые события...

Я не успел договорить, как в дверь постучались и после разрешения товарища Сталина, дежурный из приёмной пропустил в кабинет буфетчицу в аккуратном переднике, которая принесла нам поднос с чашками и вазочками с вареньем и печеньем. А также на блюде отдельно лежал кружочек лимона. Следом за ней усач внёс пышущий жаром самовар, от которого стало теплее, так как в этом здании было сейчас зябковато, видимо сэкономили дрова.

Принявшись за чай, Сталин первым делом положил лимон мне в чашку, не обратив внимания на мои возражения и предложение его поделить.

– Ты Сэргэй у меня в гостях...у нас положено гостю всё самое лучшее, – сказал он.

Выпив по чашке чая и отведав вкуностей мы продолжили беседу.

– Верно говорит товарищ Литвинов, – согласился Сталин, – на Дальнем Востоке происходят прямо сейчас важные события. Революционная армия Дальневосточной Республики освободила на днях Хабаровск. Недалёк тот день, когда и русский Дальний Восток и Приморье будут полностью освобождены от белогвардейцев и интервентов. В основном японских. И тогда встанет вопрос отношений с Китаем, о КВЖД и защите наших там интересов.

Затем Сталин без всякого перехода спросил:

– А чего ты тут делал сегодня?

Я честно говоря не ожидал вопроса, но не мешкая ответил:

– Так пришёл к Зорину...хотел с ним обсудить формулировки решения по товарищу Ленину...чтобы не пускать его в лапы буржуев...но не нашёл его...

– Это хорошо, что ты как пионер...пришёл посоветоваться со старшим товарищем, – похвалил меня Сталин и протянув руку, сказал:

– Давай...посмотрю на формулировки...может и я на что сгожусь..., – добавил он, сверкнув хитро глазами.

Я тут же достал их из-за пазухи и передал ему.

– Ты Сергей не стесняйся...наливай себе ещё чаю, клади сахара побольше, ешь всё что тут есть..., – сказал Сталин, а сам направился к своему рабочему месту, где углубился в чтение и даже что-то писал. Попутно он набил свою трубку и закурил.

Через пол часа Сталин закончил и встав с места, подошёл ко мне и передал пару исписанных листов.

– Вот...держи. Тут несколько решений с единым смыслом, не допустить покушения на нашего родного Ильича... Те, что попроще, это для твоей пионерии и школы с интернатом... А те, что с ссылками на труды Маркса и Энгельса и наших решений... те для взрослых... собраний парторганизации школы и ваших шефов...Кто они у вас?, – уточнил он в конце.

– Завод «Бромелей», – назвал я его по старому.

– Ааа, знаю, – кивнул Сталин.

Я же поняв, что пора и честь знать, тем более, что уже заглядывал дежурный из приёмной и о чём то напоминал товарищу Сталину, быстро поблагодарил его и направился к выходу, попрощавшись.

– Ти, Сэргэй заходи...мне интэресно с тобой говорить, – сказал мне напоследок хозяин кабинета.

– Хорошо, товарищ Сталин, – сказал я, закрывая за собою дверь.

В интернате я быстро напечатал на машинке все проекты решений и самолично отнёс их в школу и на завод.

Предвидя скепсис взрослых, я прихватил рукописные Сталинские листки. Они выступали неоспоримым аргументом в необходимости принятия таких решений. От себя я добавлял, чтобы они самостоятельно доводили свои решения до вышестоящих и послали в редакции разных газет.

На другой день прямо с утра прибежал Зорин. Я, предвидя его вопросы, тут же поведал мой разговор с товарищем Сталиным.

– Эх, жаль меня не было, – сказал он в конце, но никаких претензий не высказал, хотя и не похвалил.

Он заверил решение нашей пионерской Дружины, и сам взялся везде его подать, в том числе и в газеты.

– Ну, как говорится, «Бог в помощь» или «баба с возу-кобыле легче», – подумал я.

А через несколько дней в газетах стали появляться аналогичные решения и даже просто письма отдельных коллективов и граждан.

С одним требованием к ЦК РКПб: «Не пускать Ленина в Геную».

Я был доволен и не только я.

Тут же собрал актив нашего языкового кружка, поведал им об этой моей инициативе. Похвалил их за их работу. В виде поощрения выдал им двадцать пакетов карамелек по фунту

весом каждый, что купил на аванс от ГПУ. Чтобы и они поощрили своих подчинённых по группам.

Затем раздал им короткие памятки для работы по подслушиванию разговоров иностранцев.

А ещё через две недели, я уже составлял новый отчёт по прослушке. Хотя, как и положено, делал отчёты, как СекСот, о проделанной работе и заносил их ... нет... не в ГПУ...а на специальную квартиру. Хотя в столовую на Лубянку ходил регулярно. В основном на обед. Талоны от завтрака и ужина, что оставались, я договорился менять на соврубли у поварихи. По цене 5 рублей за талон. Так как выносить еду было категорически запрещено. На 5 рублей можно было тогда купить пол фунта хлеба или фунт квашенной капусты или кусочек сахара. Так то оно только на сахаре этот талон себя окупал. Ну да ладно. Я в обед, в кармане выносил пару кусков, что мне сердобольные работники ГПУ клали молча на стол.

Этим я подкармливал свой актив и поощрял за хорошую работу. Ну как она мне казалась.

Все разговоры иностранцев слушали у Большого Театра по вечерам и у ресторации «Прага», гостиниц «Гранд Отель», «Метрополь» и «Националь», на знаменитой московской барахолке – Сухаревском рынке, и конечно на бегах, на Ипподроме.

По совету товарища Аргузова, на что были выделены деньги, мои подопечные проникали и в баню «Сандуны», тоже излюбленное место иностранцев.

Вот что удалось в этот раз подслушать:

По теме Генуи

«...большевики приедут в Геную в косоворотках, подпоясанные красными поясами, в лаптях и будёновках...»

«...Не смотря на то, что прибалты из страха перед Антантой и приняли предложение Москвы о предварительном совещании в Риге... согласовать общую тактику в Генуе, но на самом деле будут смотреть на французов...»

«...проигравшая мировую войну, раздавленная Версальским договором Германия... страдает от инфляции, безработицы, разрыва экономических связей... всегда нуждалась в России... её сырьё и других товарах, а рынок Германии всегда был ориентирован туда...»

«...не смотря на подписанное ещё в 1921 году торгово-политическое соглашение между Германией и Советами... дальнейшее сближение вряд ли возможно...»

«...канцлер Вирт за сближение с Москвой...»

«...играющий большую роль в определении германской политики министр иностранных дел Ратенау, тесно связан с промышленными концернами... давно ищет контакта с Западом, особенно с Францией, и опасается, что договор с большевиками окончательно оттолкнет Запад от Германии...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.